

Михаил Ежов

От веры к государству шаг за шагом

Исторический роман

Михаил Ежов

**От веры к государству шаг за
шагом. Исторический роман**

«Издательские решения»

Ежов М. В.

От веры к государству шаг за шагом. Исторический роман /
М. В. Ежов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834807-5

Эта книга — открывает нам скрытую в пелене веков мистическую тайну самого великого события в истории Руси — её Крещения. Описание и трактовка некоторых исторических фактов могут не совпадать с общепринятыми взглядами, так как автор смотрит на них глазами их свидетелей и участников, которые и дают ему оценку, с единственной целью донести до потомков истинный духовный смысл деяний тех далеких времен. Хотя, наверное, все «исторические романы пишутся для прояснения какой-то современной идеи...».

ISBN 978-5-44-834807-5

© Ежов М. В.
© Издательские решения

Содержание

«Корсунь – шаг первый»	6
Пролог	7
Глава 1 У стен Корсуни	8
Глава 2. Без права на ошибку	9
Глава 3. Западня	13
Глава 4. По вере вашей...	16
Глава 5. Раненый Волк	18
Глава 6. Встреча во сне	20
Глава 7. Херсонес. Положение становится сложным	22
Глава 8. Чудеса да и только	27
Глава 9. Греческая вылазка	31
Глава 10. Неправильные варвары	35
Глава 11. Исход	39
Глава 12. Предательство	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

От веры к государству шаг за шагом

Исторический роман

Михаил Валентинович Ежов

© Михаил Валентинович Ежов, 2016

Иллюстратор Сергей Крегжде

ISBN 978-5-4483-4807-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Корсунь – шаг первый» Часть I

«Я не имел притязания совершенно рассеять туман, покрывающий наши отношения к Византии при Владимире Святom. На событиях 988 и 989гг. все еще лежит печать тайны, которую едва ли в состоянии раскрыть историк при настоящих научных средствах. Потребовалась бы немалая доля воображения и поэтического чутья, чтобы облечь в реальные образы те указания и намеки, которые пробегают кое-где как тени. Вот, по моему мнению, самое реальное изображение условий, при которых произошло обращение Руси к христианству....»

*«История Византийской империи. Македонская династия»
Федор Иванович Успенский.*

Пролог

Солнце клонилось к закату, тихо шелестела молодая зеленая трава. Высоко в небе кружил степной орел, высматривая добычу. Струйка крови стекала из раны воина вниз по легким доспехам восточной ковки. Красивые, но не прочные доспехи, как и все, что делали на востоке. Стрела пробила их насквозь, вошла чуть ниже горла в районе левой ключицы. Черное оперение колыхалось при каждом вдохе. Пальцы левой руки воина, сгибаясь и разгибаясь, еще крепко сжимали рукоять меча.

«А может, я и есть его добыча? И пока шевелю раненой рукой, он и кружит так высоко, опасаясь подлетать слишком близко. Странная стрела, слишком короткая и толстая, надо бы разобраться, что там за стрелы такие у них.

И где же они сами? Почему не добились сразу? Чего ждут?

Хотя – зачем? Еще пару-тройку часов, и если не истеку кровью, свое дело доделает зверье. Раненому одному в степи не жить. Сколько сам видел таких смертей. И как обидно, всего один полет стрелы оставался до спасительного леса. Успей я, и ищи-свищи меня в лесу. Не успел, чуть-чуть не успел....

А теперь какому богу молиться? Да я уже и забыл, как это делать. Столько богов, сколько народов. И у каждого своя вера. А какая у меня? Кто ты, сын северного ветра и восточной зари? Кто твой бог, и есть ли он у воина, иступившего не один меч? Мои руки в крови даже не по локоть. Теперь просто пришел мой черед, а жаль. Жаль, что не успел исполнить все то, что поручил князь.

Только я знаю человека в Корсуни, который ждет часа, чтобы сообщить, как нам взять город. Жаль, если поляжет под стенами дружинный люд. Горячи они, безумны в отваге. Рассержен князь, сила за ним велика, молод он, разобижен на ромеев, а город наскоком не взять, и стрела в груди тому подтверждение. Ждут князя в Корсуни, ох и ждут. Хитры греки – лазутчиков у них много. И у самого князя в дружине они, наверное, есть. Вычислить бы мерзавцев и на кол, хотя на их место непременно придут новые. Любят византийское золото на Руси, ох и любят, сволочи.

Греки хитры, но и мы не промах, хотя мне уже видно не судьба, и если есть бог на небе и на земле, то я, вольный воин дружины князя Владимира Киевского, сын рабыни и варяжского конунга, прошу: дай мне жизнь, чтобы не погибли товарищи мои безвинно под стенами города, дай увидеть, как победят русичи, не оставь неправду и обман царей ромейских не отомщенными. Не дай свершиться несправедливости. И если ты есть и слышишь меня – помоги!

Холодно к вечеру. Или просто я холодею от потери крови. Вот уже наверно и все. Солнце уходит за горизонт. Тело, как ватное, и не слушается – нет, не встать. И боль ушла. Мой конь... Уходил бы, дурашка, мне ты уже не поможешь, я почти мертв, и бога нет, раз он не слышит меня.

Пальцы рук не слушаются, уже не чувствую рукояти меча, орел кружит все ниже и ниже, но я его больше не вижу, перед глазами пелена... Ну вот, и мой час пришел. Прости, князь, мне оставался всего один конный переход до города, не уберется.....»

Глава 1 У стен Корсуня

Год 989 н. э. Князь Киевский Владимир Святославич, высадившись под Корсунью с шеститысячной дружиной, осадил город. С ходу взять его не удалось. Русские войска, потерявшие убитыми и ранеными до пятисот человек, были отброшены. Городскую крепость окружал двойной ряд толстых стен, как с моря, так и с суши. Крепкий ромейский гарнизон, оснащенный катапультами, баллистами и прочими греческими хитростями, защищал ее. Продовольственные припасы, хранящиеся на случай войны, были пополнены по доносу из Киева. Город мог продержаться осаду почти год.

Владимир этого не знал, но военное чутье и ощущение грозящей опасности заставили его прекратить штурм и осадить город со всех сторон, отправив отряд в Сурожь за подмогой.

Князь был зол. Сидя в шатре, в трех полетах стрелы от города, и сжимая в руке серебряную походную чашу, наполненную неразбавленным греческим вином, думал: «Все пошло не так. Где же он? Продался, предал, как те многие, кто предавали за последний десяток лет и зим? Или что-то случилось в дороге? Все пошло не так, но возвращаться обратно нельзя. Как говорил отец, мертвые срама не имут».

Но умирать князь не собирался. Выпив вино из чаши, и поставив ее на пень – походный стол, вышел из шатра, на ходу плотнее запахивая полы подбитого соболями плаща. Свежий, полный сил, откормившийся на весенней траве конь приветливо кивнул, признав хозяина даже в ночной тьме.

– Тихо, тихо, застоялся, сейчас разомнемся, – вымолвил князь, поставил ногу в стремя и привычным движением забросил тело в седло.

Тронув коня спокойным шагом, двинулся навстречу свежему морскому ветру, на свет костров, которые палили русичи. За князем бесшумно, словно тени, скользнули в ночь дружинники его личной охраны.

Глава 2. Без права на ошибку

На городской стене при свете факелов сменялась очередная сотня караула. Лучники деловито пересчитывали запас стрел, в бронзовые жаровни подбрасывались дрова, часовые занимали свои места у бойниц крепостных стен, здесь же шлифовались лезвия мечей, затачивались наконечники стрел и метательных копий. Горожане по очереди подносили на стену воду и продовольствие.

Центурионы передавали смену крепким рукопожатием. Они кивнули друг другу, раздалась отрывистая команда, и сотня строем, стараясь не греметь амуницией, покинула западный сектор стены. Сменившие караул солдаты могли расслабиться. Несмотря на жесткую дисциплину, многие предпочитали тратить двойное, на период войны, жалование в портовых кабаках, где всегда можно найти вино и любовь продажных девок. Кто знает, что будет завтра, век солдата империи короток. Когда тебя найдет варварская стрела? Или срубят кривая сабля правоверного мусульманина? Все жили одним днем. И только по воскресеньям солдаты-христиане проводили время на службе в центральном соборе Херсонеса.

Город жил своей жизнью. Продовольствие стали расходовать экономнее, но вода жителям давалась без ограничений. Постоянный запас питьевой воды в три тысячи ведер и резервы продовольствия находились под надежной охраной военных и лично контролирувались стратигом Херсонеса. Даже вороватый городской совет боялся запускать туда свои лапы.

Стратиг Андроник был крут и скор на расправу. За то, что на склады продовольственного резерва богатейший купец города Никифор поставил сырое и уже прелое зерно, лично ослепил его на площади, дом продал, а весь товар и деньги купца были по счету переданы в городскую казну. Купцы попытались роптать, но грозный вид стратига и четыре тысячи копий верного ему гарнизона отбили вмиг всякую охоту к бунту. Да и понимали, что, войди Русь в город, не поздоровится никому, отнимут все вместе с жизнью.

И ходили слухи о скорой помощи от базилевса Василия, которая уже грузится в порту Константинополя. И молились в Херсонесе денно и ночно о победе греческого оружия, и чтобы послал Господь всякую порчу и вред на варваров, осаждающих город.

Тьма над Херсонесом сгустилась, наступала вторая половина ночи. Стратиг встал с ложа, поцеловал спящую жену, надел одежды и доспехи, вышел во внутренний двор, где уже сутились слуги и стоял оседланный конь. Конная стража ждала у ворот. И вот уже через несколько минут конские копыта застучали по мостовой по направлению к западной стене крепости.

Стратиг Андроник понимал, что войско Владимира не готово к длительной осаде, в его составе нет инженеров и мастеровых для изготовления осадных орудий и проведения фортификационных работ. И вся эта разношерстная, слабоорганизованная, по византийским меркам, вольница русских варваров, молящихся деревянным истуканам и понятия не имеющих о военной науке, которой стратига обучали с детства, внушала ему

не скрываемое от всех презрение к ним и их варварскому предводителю кагану Владимиру.

В то же время опыт многих болгарских войн империи показывал, что от этих людей можно ждать в любой момент чего угодно, выходящего за рамки греческого понимания военного искусства и вообще самой жизни. И это внушало смутные опасения, непонятное беспокойство, постоянное предчувствие беды. Страх за судьбу жены и дочери царапал его душу.

Он ждал известий из Константинополя. Голубиной почтой и двумя гонцами были отправлены сообщения о нападении русских. Одно официальное – базилевсам, а другое –

близкому ко двору, старому другу по военным болгарским кампаниям Иоанна I Цимисхия. Так стратиг хотел узнать правду: с чего бы это варвары решили захватить Херсонес.

Кое-какие сведения у него уже имелись от своих людей в Киеве. За многие годы службы в имперской армии он понял, если хочешь выжить со своим отрядом, нужно вести постоянную разведку, не доверяя никому. Базилевсы не прекращают ни на минуту борьбу за трон. Интересы империи очень часто разворачиваются абсолютно в противоположную сторону. Еще недавние враги становятся союзниками и друзьями, а друзья – врагами. И в этой каше политических интриг, бесконечных внутренних и внешних войн и стычек между правящими партиями, солдату, для того чтобы выжить, надо было стать политиком, а политику – солдатом.

Стратиг считал себя хитрым политиком, держался подальше от императорского двора, имел свои торговые интересы в Константинополе, Генуе, и конечно в Херсонесе, где ни один корабль не мог войти и выйти из гавани без его ведома и разрешения.

И эта власть в Херсонесе, торговых воротах империи, позволила ему сосредоточить в своих руках немалый капитал, которым он и финансировал свою тайную службу. Византийское золото способно творить чудеса, в этом Андроник давно смог убедиться. Вот и сейчас некоторые киевские варвары в окружении князя Владимира, понюхавшие сытую и роскошную жизнь византийского двора, очень хорошо на него покупались, выдавая известные им замыслы своего кагана.

Многие посланники начальника тайной стражи стратига, отправленные к русским в Киев, так и не вернулись. В таком деле потери предсказуемо неизбежны. Но та треть золота, которая достигла цели и попала по назначению, принесла пользу. Стратиг успел укрепить город и через свои связи в Константинополе выпросить, хоть небольшую, но теперь весьма ощутимую помощь – отряд в триста человек, под командованием своего старого боевого друга центуриона Иоанна Склира. Так появился в гарнизоне человек, хорошо знакомый с организацией обороны крепостей. Человек, которому стратиг мог доверять.

В этих мыслях быстро пролетел путь от центра города до крепостной стены. Там уже были построены лазутчики, выбранные из числа мусульман, сотня отчаянных головорезов, одетых во все черное, с закрытыми повязками лицами. Это было изобретение начальника тайной стражи. Через тайные ходы, лазутчики ползком добирались до позиции русичей, вырезая спящих целыми десятками, обезображивая трупы, отрезая уши и носы.

Ночные вылазки должны были внести смятение в ряды проклятых варваров, а заодно и значительно их проредить. После каждой вылазки начальник тайной стражи собирал эту кровавую жатву, и за каждую пару ушей или отрезанный нос платил золотом.

Стратиг осмотрел ряды черных фигур и, кивком головы указав на строй, коротко спросил:

– Сколько?

Начальник тайной стражи сразу понял суть вопроса.

– Позавчера не вернулись двадцать. Вчера не досчитались десятерых.

– Хорошо, отправляйте! – скомандовал стратиг, сходя с коня на заблаговременно подставленное охранником плечо.

«Русские быстро обучаются, – подумал он. – Еще дней пять, и ночные вылазки придется прекратить. Людей просто не останется».

Он медленно поднимался по лестнице на наружную крепостную стену. За ним неслышно ступал начальник тайной стражи. Раздалась отрывистая команда центуриона и каждый из солдат замер навтыжку у своей бойницы. Отдыхавшие от караула у больших круглых жаровен встали, держа в одной руке щит, а в другой копье. Все ждали приказа.

Стратиг подошел к ближайшей бойнице и долго всматривался в линию горящих костров. Где-то там, между порослью редких кустарников, по высокой майской траве ползли лазутчики – мусульмане, высматривая своих жертв.

– Что у русов? – задал вопрос стратиг стоявшему неподалеку дежурному центуриону.

– Все спокойно, командир. Вчера много пили, кто-то привез варварам вина. Гуляли до второго удара колокола. Сейчас спят мертвым сном. Сам знаешь, они ничего не смыслят в воинской науке и дисциплине. Порядка в их лагере как не было, так и нет. Даже не додумались выставить караулы. Наши мусульмане режут их как овец.

Стратиг еще пристальней взгляделся в ночную тьму сквозь прорезь бойницы. Черные тени метнулись в пламени костров, раздался многоголосый безумный, наполненный болью человеческий крик, затем все стихло так же внезапно, как и началось.

– Спят, говоришь? Пили всю ночь?

Ответом ему прозвучал знакомый свист и движение воздуха у правого уха.

И он увидел, как центурион медленно сползал на плиты крепостной стены, судорожно пытаясь схватиться за оперение стрелы, торчавшей из горла.

– Солдаты, все к стенам! Тревога! Варвары идут на приступ со стороны западных ворот. Центуриона Иоанна ко мне! – закричал резким голосом стратиг.

Землю с высоты стены делал невидимой стелящийся и оседающий внизу туман. Солнце уже готово было взойти, но этих минут могло и не хватить византийским воинам, чтобы увидеть и встретить опасность.

С приглушенным стуком на край наружной крепостной стены опустилась приставная лестница, показалась голова рыжебородого варвара в блестящем трофейном шлеме, слегка съехавшем набок.

– Рогатки к стенам, отталкивай лестницы, – снова закричал стратиг.

И в тот же момент перелетевший через стену абордажный крюк, ударил его по голове. Кровь медленно заливала глаза сползающего по зубцу бойницы стратига. Как в дурном сне, видел он наклонившегося над ним начальника тайной стражи и отбивавшегося от двух варваров центуриона Иоанна.

И слышал его голос:

«Солдаты, стратига за вторую стену. Опрокидывайте жаровни с углями вниз. Лучники, готовься, бей!»

Пространство у подножия вмиг озарилось, и всем на обозрение предстала картина: не меньше трех сотен варваров пытаются забросить крючья с длинными веревками на стену крепости. Еще не менее тысячи бегут, прикрывая щитами тех, кто несет лестницы и толкает на огромных колесах таран, сооруженный из большого, в несколько обхватов, дерева.

Центурион Иоанн быстро сообразил, что стену он еще удержит, но ворота едва ли. Еще пару мгновений и таран выйдет из зоны обстрела его лучников. А котлы с кипящей смолой подкатить и поднять на стену не успеют. «Господи! Ну почему же так все скверно?» – подумал центурион.

Стратиг очнулся, когда четверо солдат несли его, на его же пурпурном плаще, через ворота внутренней крепостной стены. За их спинами раздавался отчетливый шум битвы.

– Стой! – прохрипел стратиг еле слышно. – Руку! Помогите встать.

Прихрамывая из-за затекшей от неудобного лежания ноги, он побрел через ворота к лестнице, ведущей на внутреннюю крепостную стену. Бросившиеся следом солдаты помогли ему подняться по ступенькам. Его сильно мутило, перед глазами проплывали круги, он почти не держался на ногах. Стратиг помнил это состояние, когда в одном из болгарских походов дюжий варвар огрел его зазубренной дубиной по голове. Тогда спас только шлем. Сейчас он тоже сослужил добрую службу.

– Где центурион? Ко мне его, живо, – прохрипел стратиг.

На разные голоса пронеслась команда по цепи солдат, и через минуту подбежал, запыхавшись, молодой центурион и принялся рапортовать.

– Я знаю, – перебил стратиг. – Все, что от тебя сейчас требуется – быть моими глазами и языком. Выполняй команды. Запереть ворота внутренней стены. Ковши с кипящей смолой поднять наверх. Луки наизготовку.

Глаза центуриона округлились в удивлении.

– Стратиг, но ведь на внешней стене наши. Мы их бросаем?

– Молчи, и делай что я говорю.

Центурион кивнул и неожиданно громким и зычным голосом начал отдавать требуемые команды. Ворота с треском захлопнулись, заскрипели запираемые на них засовы.

– А теперь гляди на ту стену. Видишь воина с большим красным гребнем на шлеме? Это центурион Иоанн. Твоя задача докричаться до него. Понял? Начинай.

Голова у стратига кружилась все сильнее, приступы тошноты все чаще подкатывали к горлу, и он присел на влажные от осевшего тумана крепостные плиты. Подбежал молодой центурион.

– Командир, он нас слышит, что передать?

– Передай, пусть опускает решетку на ступенях и перекроет вход на лестницу, ведущую к крепостной стене. А ты, как только варвары пробьют ворота и кинутся в проход между стен, выливай кипящую смолу и бей дротиками и стрелами. Лучникам правого крыла отсекать вход на лестницу внешней стены, не дать им сломать запорную решетку и подняться туда. Это все. Сделаете все правильно – будете жить, ошибетесь – не удержим город. Сказав это, он потерял сознание.

Глава 3. Западня

Все ближе подъезжая к позициям своих воинов с тыла, князь Владимир замедлил ход коня и показал рукой охране держаться чуть поодаль от него. Путь лежал через густой кустарник. Князь перевел коня на шаг.

«Неужто опять спят, сучьи дети, – подумал Владимир. – Доеду, всех сотников посеку. Мало им, что за месяц триста человек вырезали. Сколько еще нужно смертей, чтобы приучить русский люд к порядку?»

Где-то впереди раздался еле слышный шорох, рука князя потянулась к мечу. Слегка качнулся, как от легкого ветра, кустарник, и через минуту, сбитый с коня, он уже лежал на траве. У его кадыка грозно блестело лезвие меча, который держал в руке статный молодой русич, прижимая коленом грудь Владимира к земле.

Сзади с шумом и криками: «Что ж ты наделал, ирод!» – выскочила охрана и кинулась на княжьего обидчика.

Князь встряхнул головой и, приподнявшись на локте, так что меч вплотную уперся ему в горло, командовал:

– А ну, стой. Не троньте его. Я сказал!

К князю выдвинулся всего один из сотни:

«Ты что же, сволочь, творишь? Чуть князя Владимира не зашиб до смерти. Вишь, какой вымахал. Так что, лупить кого ни попадя можно направо и налево?!»

По голосу князь узнал воеводу Вышату, своего родственника, ближайшего советника и друга, командующего его личной охраной.

– А хрен вас разберет ночью, кто князь, а кто вор обычный к ратникам в осаде подбирается, уши и носы нам резать, пока спим. Все нормальные князья дома сидят, а не по кустам шныряют, – ответил русич.

Вышата даже поперхнулся от такой наглости. Но тут князь ужом вывернулся из-под меча, метнувшись, как тень, ногой выбил оружие из руки своего обидчика и мощным ударом кулака свалил его на землю.

– Ну что, квиты, охранничек? – спросил он у караульного.

– Наверное, квиты, – ответил ему русич, поднимаясь с земли и выплевывая вместе с кровью выбитый зуб. – Прости, князь Владимир, не признал в темноте. Сотник наш строго-настрого приказал, что если проскочит через заставы наши хоть какой-то гад или если уснем на посту невзначай, живьем шкуру снимет со всех дозорных. Он точно снимет! А без шкуры, сам знаешь, по ночам прохладно будет. Так и выходит, раз без нее никак, то стараемся, даже князей, бывает, отлавливаем, – пытался пошутить дозорный. – Ты уж, князь, не обижайся на меня.

– Ладно, забыли. А это вместо выбитого зуба. – И протянул ему туго набитый кошель.

– Спасибо, князь, не надо, – ответил тот.

Князь удивленно вскинул здоровую бровь:

– Бери, заслужил.

– Нет, княже, не возьму. Делу ты учишь нас, без порядка Корсунь не взять. Без порядка все тут ляжем, без славы, во хмелю и сонные. Себя погубим, тебя и Русь погубим. А за дельное ученье разве ученику платят? Это он платить должен. Потому – не возьму, княже. Без обид?

«Какие уж тут обиды, – думал про себя Владимир. – Ох, русичи, русичи, и как может в одном народе уживаться бесшабашная удаль и разгильдяйство с такой широтой души, любовью ко всему родному, которая и пробуждается-то только в минуты крайней угрозы,

но не для себя и своей жизни, а ради жизни близких и родных. И снимут последнюю рубаху, и отдадут все вплоть до последнего вздоха, создав несоздаваемое, победив непобедимое.

И счастье великое вести такой народ, и ответственность великая. Нельзя попасть ему в руки грязные, ибо народ этот чист и светел, как новорожденный, наивен и прост, как дитя доверчив. При этом силен и неистов, как исполин, в гневе своем сносит всех на пути. И тот, кто силу эту великую направит к целям праведным и душу его к добру обратит, поистине велик будет, и слава его и память о нем будут жить столько, сколько жить будет народ русский, а значит – вечно».

От этих мыслей князя отвлек шум со стороны западной стены города. Он пустил коня рысью и вскоре увидел колышущиеся в свете костров тени русских воинов. Оружие их еще не остыло от крови врагов. Здесь же, на втопанной в землю траве, лежали тела в черных одеждах, где поодиночке, где и более. Там, где застала их битва и смерть.

К князю подошел рослый воин, без шлема, в кольчуге, в его руке блестел в свете костра окровавленный меч. На густой шапке седых волос следы запекшейся крови.

– Здравствуй, княже, все сделали, как ты сказал. Весь вечер гуляли, потом спать повалились. Как и думали, пришли супостаты. Все они здесь полегли. До полста человек, наверно.

– Молодцы, – ответил князь. Теперь неповадно будет.

– Молодцы-то молодцы, да в погоню за остальными с пылу увязались, пошли за ними к стене.

– Сколько? – уточнил Владимир.

– Да около трех сотен. Не успел я их, княже, остановить, виноват.

– Ох, Добрыня, не вовремя. Да чего уж там. Кати таран, прикрой их лучниками. Поднимай всех на штурм, – приказал князь. А сам подумал: «Эх, не готовы мы пока. Да лишь бы на стену не полезли, перебыют ведь всех, перещелкают лучники».

Не прошло и получаса, как огромный таран уже катился, постепенно набирая скорость. Русичи -лучники обстреливали ромеев, пытающихся поразить стрелами и дротиками их товарищей, карабкающихся наверх.

В то время как на стене сражение шло с переменным успехом, и перевес русских был незначителен, с треском и грохотом в крепостные ворота врезался таран, образовав в них большую брешь, в которую и хлынули русские воины. Со стены сражение переместилось в район внутренних городских ворот, где небольшой отряд греков преградил дорогу нападавшим.

Князь не мог наблюдать картину боя – обзор закрывала городская стена. Большая часть тысячного отряда русских еще не прошла в ворота и находилась за пределами крепости.

Нехорошее предчувствие охватило князя. Словно во сне, за несколько секунд перед его глазами пронеслась картина, где тысяча русских воинов во главе с воеводой отчаянно бьются в узком проходе между крепостных стен. А отовсюду на них льется кипящая смола и летят вражьи стрелы. Он воочию увидел, как гибнет вся тысяча его воинов, один за другим, не имея возможности спастись.

Владимир обернулся к воеводе своей охраны:

– Дядя, скажи к крепости. Выводи всех из-под огня. Передай воеводе, пусть отходит. Лучники прикроют их снаружи крепости. Скажи, не мешкай, иначе будет поздно.

Дальше он видел, как посланные им всадники во весь опор несутся к городской стене, видел распахнутые в крике рты, видел, как один из всадников, пораженный стрелой, пущенной с городской стены, упал на гриву своего коня.

Ратники, повинаясь приказу, отходили от крепостной стены, двигаясь плотным отрядом, построенным в колонну, щиты прикрывали их от стрел по бокам и сверху. У ромеев этот строй назывался «черепашей». «Могут же, когда захотят, – подумал князь, – вот черти».

Строй русичей все дальше отходил от стены, стрелы, пущенные греками, уже не долетали или бились об щиты на излете.

«Ну, по-моему, самое время», – решил князь, взмахом руки позвал к себе ближайшего конника из охранной сотни.

– Скачи и передай: всем в стороны.

Конник бросился к строю русских, что-то громко крича на скаку. Во мгновение ока «черепеха» распалась на тысячу отдельных частей. Воины поодиночке, врассыпную, бежали к своим позициям. Перестроение произошло как нельзя вовремя. Воздух рассек низкий свист, и в том месте, где только что шла «черепеха», вспенился земляной фонтан от упавшего каменного ядра, выпущенного из греческой катапульты. Такие же фонтаны рассыпались по всему полю, но принести сильный ущерб они не смогли, русичи уже были на подходе к своему лагерю.

Воевода охранной сотни князя громко рыкнул: «Воины! В строй! В две шеренги!»

Князь Владимир беглым взглядом пересчитал людей. «Не густо, сотен шесть неполных будет. Два месяца осады – и почти половина из тысячи. Так и месяц не продержимся. Дорого учеба брать крепости дается. Бесшабашной отваги здесь мало, только лоб об стенку расшибить можно. Эх, ромейскую науку военную да с духом русским отважным бы соединить. Тогда никто не устоит. Не будет равного воинству русскому».

Владимир посмотрел невидящими глазами сквозь строй и вдруг, словно очнувшись от краткого сна, спросил:

– Воины, а где воевода-то ваш?

– Сгинул воевода, князь. Между стен сгинул. Когда выходили из крепости, бился он с греками, в передовых бился. Не уберегли мы, княже, воеводу своего, – ответил знакомый по ночной встрече воин.

– Не уберегли, говоришь. А ты что еще умеешь, кроме как князей по ночам дубасить?

– Биться могу, на мечях, на копьях. Луком владею и в седле держусь неплохо.

– А из грамоты что знаешь?

– Счет знаю, княже, до тысячи, язык ромейский понимаю, а вот письмо их, прости, пока не осилил, недосуг было.

– А звать-то тебя как, грамотей? – спросил князь по-гречески.

– При крещении в Царьграде Даниилом назвали. А как мать с отцом нарекли, не знаю, потому как не помню ни матери, ни отца. Товарищи Рысем зовут за быстроту и ловкость, – отвечал воин на правильном греческом, без запинки.

– Так вот, Данила, быть тебе воеводой над тысячей, раз нет с нами прежнего. И смотри мне, береги людей. Люди для нас сейчас на вес золота. Каждый клинок на счету. Смотри, не дури, зубом не отделаешься. Вышата, огласи воинам нового воеводу. А ты, Данила, порядок наведи, с сотниками разберись. Тех, кто погиб, замени новыми. Достойных сам знаешь, лучше меня. К полудню жду тебя на совет, воевода Даниил. – Отдав эти распоряжения, князь сел в седло подведенного Вышатой коня, и тихо шепнул ему: «Шли гонцов к воеводам, сидящим по стенам. Пусть скинутся каждый по сотне воинов новичку. Тебя и их тоже на совет жду».

Глава 4. По вере вашей...

Князь тронул коня в направлении к своему шатра, разбитого на невысоком холме, возле соснового леса. Перед шатром был накрыт походный обед. Владимир умылся водой из медного кувшина, вытер руки и приступил к трапезе. За столом с ним сидел только Вышата.

– Что, князь, сильно тебя в леске Данилка – то приложил? Болит?

– Да как-то раньше и не вспоминал, не до этого было. А сейчас побаливает вроде, – признался Владимир, потирая ушибленную часть лица.

– Холодную тряпицу положить на глаз бы надо. Сейчас пойду, принесу.

– Сиди, скажешь, пусть принесут в шатер.

– Там двух девок ромейских приволокли, ничего себе – статные бабы, может, они и принесут? – спросил его дядя.

Князь, сощутив здоровый глаз, посмотрел на дядю.

– Не до баб, Вышата. Пойду спать. К полудню разбуди. А девок, отпусти незачем им тут быть.

В шатре, на расстеленных шкурах, сон не шел к нему. Мысли были о Корсунь. «Как взять крепость? Был бы Волк здесь, сидели бы уже в городе. Ну, куда же он подевался? Случилось недоброе? Станный он какой-то. Воеводство предлагал, ни в какую. Да что там я! Базилевс ромейский предлагал к нему идти, и то отказался. Свободы, говорит, хочу, а помочь тебе, князь, помогу. Не мог Волк обмануть. Если бы не захотел помочь с Корсунью, то так бы и сказал прямо. Гордый сильно. Что же с ним случилось? Нужен он мне здесь, крепко нужен».

Владимир взял в руки Евангелие, на греческом, его он читал в свободное время. Открыл книгу наугад и прочел с начала страницы: «По вере вашей и воздастся вам». Князь вновь задумался: «Где же Жробейн? Ох, Волчьи Лапы и куда же вас занесло? А интересная все-таки книга, всякий раз новая. Если возьму Корсунь, крещусь. По вере и воздастся..... Эко, как интересно писано! Значит, верить надо? Буду верить! Возьмем Корсунь, обязательно возьмем!» С этой мыслью он поднялся со шкур и вышел из шатра.

– Как спалось, князь? – спросил дядя, стоявший рядом с пологом. В руках у него был мокрый кусок холста. – На, приложи, от самого ручья везли, холодили, уж сильно глаз запыл у тебя.

– Ладно, давай вяжи, – согласился Владимир.

Пока тряпицу прилаживали к княжескому оку, к шатру съехались тысяцкие воеводы. Спешились и почтительно ждали окончания процедуры.

Один из прибывших повернулся к воеводе Даниилу, усмехнулся:

– Что, Данилка, бей своих, чтоб чужие боялись?

Даниил потупил взор и промолчал. Услышав, о чем речь, Владимир резко повернулся к собравшимся.

– Слушайте, мужики, как вы так можете? Вроде и на разных концах крепости стоите, а уже все знаете. Кончай зубоскалить. Лучше давайте думать, как крепость брать будем?

– Да что тут думать, князь, – откликнулся коренастый рыжебородый тысяцкий. – Крепость с налету не взять, это всем нам уже понятно. Остается только брать измором. Да, в осаде, князь, бойцы наши сидеть непривычны, все норовят через стены сигануть. Еле сдерживаем. А какие бузят сильно, недовольные, значит, ну, с теми по-свойски разбираемся. Утихомири-ваются.

– Да, беда, княже, что таких все больше и больше, – подал голос другой воевода. – Уж третий месяц тут сидим, а все без толку.

– Понимаю сам, поэтому и вас спрашиваю, что делать- то дальше будем? Есть мысли у кого толковые? Говорите, – предложил Владимир.

– Дозволь, князь, мне слово молвить, – проговорил воевода Даниил. Князь молча кивнул. – В Булгарском походе видел я, как они город у ромеев брали. Сыпали землю под стену, до самого верха. Затем по этой насыпи залезли на стену и взяли город. Городишко тот, конечно, поменьше нашего будет. А если попробовать, вдруг получится? – закончил свою речь Даниил.

– Хорошо, пусть будет так. Сыпать будем у твоей стены. Воеводы, сгоняйте всех пригодных на работу, займите всех воинов, свободных от караулов. Даниил, прикрой их своими людьми от обстрелов и вылазок ромеев. Начнем завтра с утра. А теперь по местам. Да порядок держите. Приеду, проверю, – наказывал князь. А сам думал: «Получится, не получится, а воинов своих на полмесяца делом займу».

Вернувшись в шатер, князь устало прилег на шкуры своей лежанки, снял высохшую за время беседы повязку, прикрыл глаза и стал размышлять. Крепость нужно взять во что бы то ни стало в течение двух ближайших месяцев. Иначе осень, распутица. Не усидеть им больше у стен. Непривычны они к долгой осаде.

И мало ли что поменяется в Царьграде. Соберутся греки с силами, и его отряд, который до сих пор находится при базилевсах, в шесть тысяч копий, их не удержит. Как заявятся они под Корсунь, так и непонятно, что делать надо будет. То ли отбиваться, то ли бежать в Сурожь, а там уж и до самого Киева. Брать надо крепость, брать. Но как?

За этими мыслями настиг Владимира крепкий сон. Заглянувший в шатер дядя князя, плотнее задернул полог и молча кивнул охранникам. Двое тут же заняли свои места у входа, трое расположились по кругу, замыкая охрану княжеского шатра.

Глава 5. Раненый Волк

Неяркий свет пробивался сквозь прикрытые веки. «Что это, где я?» – очнулся Волк. Память понемногу возвращалась: « Долгий путь, стрела в груди, черное перо стрелы, орел кружил надо мной. Я должен был умереть. Корсунь.... Владимир князь, старый друг... Сколько я уже здесь?

И где это- здесь? Нельзя открывать глаза. Как игра в детстве, когда сквозь ресницы смотришь, оцениваешь обстановку, а все думают, что ты еще спишь.

Оружие, меч был в моей руке, я ощущал его рукоять, нет меча. Ножи, прекрасные ножи сирийскойковки были у пояса. Надо проверить. Одежды нет, кто-то раздел и укрыл меня чем-то теплым и почти невесомым, как в детстве. Рука, моя левая рука. Сейчас попробую пошевелить пальцами, еще миг и резко встаю. Еще миг, и ищи меня в лесу или в поле. Вот сейчас, вроде готов, встаю...»

Рывок, попытка подняться— и сознание окончательно прояснилось от боли. Он услышал слова, произнесенные низким женским голосом, открыл глаза.

– И... эх! Волк варяжский и в Тавриде – Волк. Что дергаешься, все твои железки здесь. Нужны они тебе сейчас? С того света вернулся, слава богу, и туда же, воевать. Глупый, глупый Волк варяжский. Все никак не навоюешься. Слаб ты еще, рана дышит, не заживает, стрела отравлена. Охотились на тебя воины. Не степняки, серьезные люди. Твоя кровь и смерть, видать, большого золота стоили.

Бог тебя хранит, варяжья твоя душа. Зачем только, не знаю. И как земля такого злодея еще носит? Души всех убитых тобой по ночам за тобой приходят. Какую ночь не сплю, их отгоняю. – Женщина, повернувшись к Волку, с хитрой улыбкой поднесла к его губам деревянную чашу с теплым и приятно пахнущим настоем.

– Что это?

– Пей, душегуб, лекарство это, не отрава. С чего бы это мне месяц тебя выхаживать, а потом отравить? Это вам все просто. Махнул, рубанул, щелкнул тетивой лука – и нет человека. А ты его роди, вырасти, обучи. Господи! Когда же навоюются? Как дети малые, да игры их люты и кровавы.

И только сейчас Волк понял, что знахарка похожа на гречанку и говорит по-гречески, но как-то странно, не соблюдая спряжений и родов. Так могли говорить только армяне.

«Но что армянка делает в лесах и степях Тавриды? Хотя, что тут делаю я – варяг? Да, большая у ромеев страна. И все народы ее объединяет одно, самое главное, – вера в единого бога Иисуса Христа, распятого на кресте в Иудее.

Князь Владимир умен. Он понимает, что не соберет воедино русскую землю, пока каждый молится своим богам. А так и новые присоединять смысла нет. Напрасно пролитая кровь. Нужна одна мысль, одна вера, понятая и принятая каждым, кто живет даже в самом малом и дальнем уголке Руси. Без этого ни один закон, каким бы он хорошим не был, не станет исполняться, потому что не объединенные духом и верой не пойдут все к единой, даже пусть великой цели, «из-под палки».

Народы, живущие на Руси, силой в порядок не загонишь, в государство не определишь, умрут, а на своем стоять будут. Силой нельзя, значит только верой можно. А поодиночке нам всем не выжить. Богата наша земля, вольна и просторна и слишком многие приглядываются к ней, разорить ее хотят, поработить. И только необъятные и малоизведанные просторы Руси, да неразгаданная способность людей ее в минуты опасности костями лечь за свою землю, пока сдерживают врагов.

Надолго ли? Умен Владимир, горд, воин хороший и князь справедливый, дружинники его любят. Но сможет ли он собрать народы Руси? Не сытостью собрать, не богатством,

а правдой. И если плохо и трудно, то сообщая и всем миром, а если в радости и во благе, то пусть не поровну, такого не бывает, но хоть по малой толике, но чтобы справедливо и для всех. Все хорошо в князе, один изъян только есть. Не верит он сам. А как заставишь поверить остальных, коли сам не веришь? Вот и ответ на твой вопрос, Волк. А ты во что веришь? Да ни во что».

— А Бога-то просил, когда раненый в степи лежал, — услышал он голос знахарки, возившейся за большим деревянным столом.

— Да ты что, мысли мои читаешь?

— А ты как думал — шла по полю и тебя нашла? Бога ты просил оставить тебя жить. Да так просил, что в ушах звенело. Услышал Господь, послал за тобой. Ты будешь жить, северный воин, тебе суждено. Ты та буква, без которой не будет слова. И кто знает, как Богу угодно творить историю, но творит он ее человеческими руками, и без твоих рук явно не обойдется. Впрочем, некогда мне с тобой разговаривать. Дел много. За водой сходить, с живностью управиться. Лекарства приготовить. Лежи тут тихо, не вставай. Тебе еще рано подниматься.

И вышла из избы, закрыв за собой дверь.

Волк оперся на правую руку, оторвал тело от лежанки и резким движением бросил ноги на дощатый пол. Нет, надо вставать, иначе можно не встать никогда. Знахарка говорила о каких-то деньгах, уплаченных за его смерть.

А он по опыту знал — если убийцам заплатили, они будут выполнять свою кровавую работу до конца, иначе им самим не жить.

Боль в левой стороне груди резанула, в глазах помутилось, на лбу выступил пот. «Ну вот и встал, вот и славненько, хорошо поднялся, и вроде уже не так больно. Главное, удерживать равновесие и не упасть», — убеждал себя Волк сделать первый шаг. Еще шаг, затем еще. До входной двери уже можно дотянуться рукой. Варяг толкнул дверь, и свежий утренний воздух защекотал ноздри. «Еще один шаг и я на улице», — подумал Волк, переступая порог. Но то ли он слишком торопился на свежий воздух, от которого закружилась голова, то ли зацепился непослушными ногами за высокий порог, отчего и рухнул, как подкошенный, ударился о землю и потерял сознание.

Очнувшись, попытался подняться, но поняв, что все его усилия тщетны, перевернулся на спину и стал разглядывать зеленые кроны вековых сосен, упирающихся в голубое небо, с неторопливо плывущими по нему причудливыми белыми облаками.

«Какое спокойное небо и как там, наверное, свободно и хорошо. Неба всем хватит, за него не надо сражаться. На небе не льется кровь. И потому оно голубое и чистое. В такой чистоте не может быть зла и боли. Там, наверное, только любовь и радость. Как когда-то в детстве. Голубое небо и счастье жить, зная...» — с этими мыслями он заснул...

Глава 6. Встреча во сне

В это же время, погружившись в сон, Киевский князь перенесся в осаждаемый им Херсонес, где бродил по узким, мощенным диким камнем, улочкам. Жизнь в большом греческом городе кипела. Люди шли по своим делам, несли корзины с фруктами, высокие кувшины, наполненные маслами и винами, источавшими незнакомые ароматы. Устав, князь прислонился к желтой стене дома, построенного из пористого камня и увитого плющом.

Он совсем потерялся в незнакомом ему месте и не знал, куда идти и что делать дальше. Окликнуть прохожих не решался, из опасения привлечь к себе внимание и быть узнанным, хотя никто его и не замечал.

Князь ощущал себя маленьким потерянным мальчиком, заблудившимся и брошенным, совсем как в детстве, когда его первый раз привезли к великой княгине Ольге. Тогда, оказавшись в непривычно огромных для него хоромах, долго искал, бегая по комнатам, занятую делами свою грозную бабушку, и найдя и уткнувшись в подол ее сарафана, плакал от радости, а она гладила его русые волосы и ласково успокаивала.

Вдруг он отчетливо услышал голос: «Княжич, что стоишь тут, как истукан? Иди за мной. Я проведу тебя по этому городу». Владимир открыл глаза. В нескольких шагах от него стояла княгиня Ольга и пристально смотрела на внука. Затем развернулась и пошла по улице.

Как он ни старался ее догнать, боясь отстать и снова потеряться, княгиня все равно оказывалась на несколько шагов впереди. Они миновали торговую площадь, большой греческий амфитеатр и двинулись в сторону моря, которое виднелось синей полосой на горизонте.

Княгиня Ольга вела внука мимо высоких деревьев и оград, увитых виноградными лозами, по знакомым только ей улицам. Она остановилась на просторной площади перед зданием с белоснежными колоннами и позолоченными маковками куполов, увенчанными крестами. Указав на него рукой, она повернулась лицом к внуку.

«Видишь это, Владимир? Это греческий храм Бога Иисуса Христа. Здесь греки возносят хвалу Господу и проводят свои службы. Видишь этих людей? Это священники и монахи греческие. Они – хранители этой веры и носители многих знаний. Скоро это будет и твоя вера, князь. Приняв и уверовав сам, ты понесешь ее на Русь.

Вера эта сплотит русских людей и станет русской, и ты должен позаботиться об этом. И помни, греки понесут ее за тобой. Но русские никогда не станут греками, так пусть греки станут нами, неся учение Церкви Христовой, понятное для люда русского простого и списанное с греческого, но читаемое по-нашему. Тем самым и устои дедовские не порушишь, и добро и любовь средь людей наших заповедями Христовымикрепишь. Чувства эти в сердцах людей русских с рождения заложены, поэтому вера сия найдет всходы быстрые, стремление к добру утвердит законом на земле нашей, и в мире остальном нам утвердиться позволит, опору князю даст, а народу защиту и благоденствие.

Но помни, княжич. Силу во благо применяя, не переусердствуй. Тонка грань между добром и злом, любой дурак распорядиться ей сможет, кровью вокруг себя все залив. Но это противно Богу и вере, которую ты понесешь.

И отныне, как примешь веру христианскую, любовь и мудрость будут тебе опорой, а не природная твоя вспыльчивость и гневный нрав. А для присмотра за этой бедой и для совести твоей, Бог пошлет тебе помощника и защиту от себя самого в тяжелые минуты, когда сам себя ты слышать перестанешь и во гневе к лютой несправедливости склонись. И только та женщина, которая станет истинной княгиней и законной супругой твоей перед Господом и всем миром, будет проводником по вере Христовой, помощником верным в делах твоих.

Ибо ежели не станешь примером в вере и жизни своей, и старания свои христианские делами не докажешь, не признана будет вера Христова на Руси. А сам отвержен будешь. И труды отцов наших и жизни многих людей падут прахом. Ежели не исполнишь предначертание свое, погубишь душу свою и народ свой в веках погубишь. Но если переборешь в себе многие искушения, любовью душу наполнишь, силы свои для народа потребишь, суждено будет тебе заложить тот камень краеугольный в основу государства великого, и камень этот нерушимый держать его будет во все века.

А теперь то, о чем спросить хочешь, -продолжила княгиня Ольга. – Вон ответ мой тебе, – и она указала рукой на идущего в их сторону воина, с приметным волчьим хвостом на кончике шлема.

«Да это же Волк, как он тут оказался?» – удивился князь. Волк подошел, в пояс поклонился великой княгине и склонил голову перед князем. Владимир многое хотел узнать у старого товарища, но пока не решался. Перевел взгляд на княгиню Ольгу. Она, указав на золотые купола христианского храма, обратилась к князю и его другу: « Видите золотые купола с крестами на них? Так вот знайте, каждый идет своей дорогой к вере, добру и правде, изви-листа она, тяжела ваша ноша, но посильна для каждого из вас. И чтобы не заблудиться, вот вам ориентир: где бы на той дороге вы не были, вместе ли, порознь, идите на этот свет – свет золотых куполов христианских. Для этого и золотят их, чтобы издалека видно было. Добром и любовью они осветят вам путь и приведут к нужной цели.

А напоследок хочу сказать вам, как отличить худое от доброго, веру истинную от мнимой. Там, где есть Бог, не может быть насилия над волей и разумом человеческим. Бог всем дает свободу выбора, и потому человек волен в своих решениях. Там, где есть насилие над волей и разумом, через искушение и посулы, там не может быть Бога. И помните, тот, кто сам волен принимать решения и делать свой выбор, будет и держать за него ответ. А теперь идите, Корсунь вашими трудами падет».

Княгиня исчезла, растворясь в воздухе. Друзья переглянулись.

– Жробейн, старый друг, я до сих пор сплю?

– Наверно, князь, я ведь тоже уснул, а потом вдруг здесь очутился. А наяву я раненый лежу в избе знахарки, от Корсуни на расстоянии одного конного перехода.

– Что случилось с тобой?

– Подстрелили меня, князь. На переходе подстрелили отравленной стрелой. Ждали меня на пути в город. И тебя с войском уже в самой Корсуни ждали. Успели подготовиться к осаде, наверное, туго тебе там приходится. Предательство, княже. Предательство у тебя в самом Киеве. Купились на золото ромейское, супостаты, жизни сладкой захотели, а может и власти большей, кто его знает

– Вот то-то и оно. Знать бы – кто? Ведь пока не пойман – не вор. Ну да ладно, разберемся и с этим. А нам, видать, Волк, пора с тобой просыпаться...

Глава 7. Херсонес. Положение становится сложным

Очнувшись, стратиг Херсонеса открыл глаза, ощупал голову, тронул повязку. Голова еще побаливала и кружилась. Рядом с широкой кроватью стратига спала на кушетке его восемнадцатилетняя дочь. Девушка, видно, просидела всю ночь у постели раненого отца и под утро заснула. За полог кровати стратига пробивалось утреннее солнце, светившее в проем окна. Со двора доносились голоса челяди. «Бедный ребенок, – глянул на дочь стратиг, – дежурила подле меня всю ночь. Господи, но как же она красива». Черные шелковистые длинные волосы разметались по подушке. Правильные, словно точеные резцом мастера, черты лица сейчас были спокойны. Легкое платье, повязанное лентой у груди, подчеркивало идеальную фигуру девушки.

Стратиг поднялся с кровати, и тихо ступая босыми ногами по мозаичному полу спальни, почти крадучись, чтобы не потревожить дочь, скользнул в ванную комнату. С большого медного зеркала, висевшего над мраморной раковиной, на него смотрело лицо явно больного, давно не бритого человека, разменявшего на своем жизненном веку за четвертый десяток.

Из -под повязки на лбу клоками торчали спутанные волосы. «Да, видно хорошо меня приложили, – подумал Андроник, проводя рукой по заросшей щетиной щеке. -Сколько же я пролежал? Ну, сколько бы не было, а город пока стоит. А мне уже хватит валяться. Пора возвращаться к делам».

С этими мыслями, сняв повязку, он начал поливать себя прохладной водой из ковша, черпая ее из медного сосуда с широким горлом, стоявшего неподалеку. Увлечшись этим занятием, он не услышал, как подошла разбуженная шумом воды дочь.

– Ты встал, отец? Как себя чувствуешь? А я все, как всегда проспала, – сказала она с улыбкой.

– Все в порядке, Марина, я уже на ногах. А ты иди, к себе в комнату отдыхай, ты же всю ночь не спала, – не отрываясь от умывания, ответил стратиг, глядя на дочь в зеркало. Услышав его слова, с радостным криком :

«Мама, мама, отец проснулся!» – она выбежала из комнаты.

Стратиг уже неторопливо одевался, когда к нему вошла его жена, красивая, статная женщина, лет под сорок, с такими же, как у дочери черными прямыми волосами, и большими голубыми глазами. Она ласково улыбнулась мужу.

– Слава богу, тебе лучше. А то мы с дочкой уже не знали, что делать. Почти две недели ты пролежал с того дня, как тебя ранили. Лекарей вызывали, священники были, соборовали тебя. Но все бесполезно. Хорошо, хоть Иоанн всех разогнал и потребовал тебя не будить, пока сам не проснешься. Только водой поили тебя, и то во сне. Попьешь, и спишь дальше. Такого с дочкой страха натерпелась, пока ты спал!

– Ну да ладно, со страхами – то. Почта из Константинополя была? Прилетал голубь? – спросил он жену, поднимаясь со стула и прилаживая к поясу меч.

– Да, была. Два дня назад голубь вернулся.

– Иди дорогая, поцелуй меня и затем принеси мне почтовый свиток. А по дороге, дай распоряжение слугам, пусть накроют завтрак на террасе. Я очень голоден. Заодно отправь кого-нибудь за начальником тайной стражи и Иоанном.

Жена подошла, коснулась губами его щеки, на несколько секунд, прильнула к мужу, и быстрыми шагами вышла из комнаты выполнять его просьбу.

Стратиг двинулся вслед за ней, пересек обеденный зал, прошел по широкому коридору в направлении выхода из дома к летней террасе. Спустившись по мраморным ступеням, ока-

зался в той части двора, которую ограждали круглые колонны из желтого камня, поддерживающие навес.

Слуги, накрывавшие на столике с мраморной столешницей завтрак, почтительно замерли, ожидая приказаний от своего хозяина. Он махнул рукой, и один из слуг быстро поднес мягкий топчан с высокой спинкой, поставил его у стола и почтительно отошел в сторону.

Стратиг полулежа разместился на топчане, посматривая на расторопно сервирующую стол прислугу. На террасу, со стороны двора поднялась его жена и резко хлопнула в ладоши. Слуги моментально исчезли. Затем из складок своего платья достала свиток и протянула его мужу.

Андроник поднес развернутый лист к глазам, но прочесть написанный мелким шрифтом текст не смог. Строчки сливались и никак не хотели подчиняться. После полученного удара по голове, стратиг стал хуже видеть. Протянув свиток жене, он попросил:

– Прочитай, пожалуйста, дорогая, все равно секрета тут уже для тебя нет. Печать сломана – ты его уже читала.

Покраснев, она взяла свиток и начала читать мужу вслух. Текст был короткий. Старый приятель стратига, патрикий Василий, сообщал ему, что подмоги для Херсонеса не предвидится, в связи с тем, что положение правящих базилевсов Василия и Константина пока еще не прочно. А у стен Константинополя до сей поры находится большой отряд русских варваров, оказавших по просьбе императоров помощь в усмирении внутреннего мятежа. За что в свою очередь, базилевсы обещали кагану варваров Владимиру Киевскому в жены свою сестру Анну. Но якобы поддавшись на уговоры сестры, которая не хотела уезжать в далекую языческую страну, обещание свое так и не сдержали. Что и вызвало недовольство русских и стало причиной похода Владимира на Херсонес. В конце послания Василий рекомендовал Андронику держаться и не сдавать город, дабы не подвергнуться мести русских за обман базилевсов. И что за время длительной осады все еще может и измениться в пользу осажденного Херсонеса.

Жена стратига закончила чтение и отдала мужу свиток. Стратиг приподнялся на кушетке и поманил стоявшего за границей террасы слугу. Он попросил его принести ему зажженную свечу. Скоро свеча стояла на столе в бронзовом подсвечнике, а в серебряной тарелке рядом с ней догорал свиток, доставленный голубиной почтой.

Стратиг, пристально глядя в лицо жены, произнес:

– Кассандра, этого письма не было. Надеюсь, ты не успела о нем кому-нибудь рассказать?

– Только Иоанну, но он твой друг, – потупив взор, ответила ему жена.

Стратиг, тяжело вздохнул:

– Ну, это еще не так страшно. Но больше никому. А теперь давай есть, пока народ не собрался.

Как только он закончил трапезу и откинулся на спинку топчана, к нему поспешил слуга с водой в серебряной чаше. Стратиг ополоснул руки в теплой воде, и вытер поданным ему льняным полотенцем. Тем временем с улицы послышался топот копыт и голоса.

Вооруженные слуги открыли ворота и во двор въехали всадники. Спешившись, они бросили слугам поводья своих коней, а двое двинулись по направлению к террасе. Стратиг поднялся со своего места навстречу гостям. Пожав руку начальнику тайной стражи и обнявшись с центурионом Иоанном, он предложил прибывшим присесть. И распорядился принести вина и прохладной воды.

Очень быстро на столе появились серебряные чаши и запечатанный глиняный кувшин с вином, рядом в серебряном сосуде стояла прохладная вода. Слуга разлил вино по чашам, разбавив его водой, и удалился. Мужчины, взяв чаши в руки, отхлебнули прохладного красного виноградного вина.

Разговор начал стратиг:

– Докладывай сначала ты, начальник тайной стражи.

– Прости, стратиг, но у меня сообщения только для тебя.

Центурион Иоанн демонстративно поднялся со своего места.

– Сядь на место, центурион, – остановил его стратиг.

И вновь обратился к начальнику стражи:

– А ты говори, здесь нет чужих ушей.

Тот согласно кивнул и, неодобрительно посматривая в сторону, центуриона, начал свой доклад.

– Мы получили голубиной почтой сообщение из дворца. В нем приказ держать осаду и, подготовившись, отогнать варваров от стен вглубь Тавриды, а лодки их предать огню. С божией помощью, базилевс Константин формирует отряд для оказания помощи гарнизону Херсонеса и планирует в течение месяца лично прибыть с ним в город, чтобы совместными усилиями закончить разгром варварского кагана Владимира, а его самого пленить и доставить в Константинополь. Посему стратигу крепости Херсонес предписывается нанести варварам первичный урон и подготовить войска к переходу к наступательным действиям.

Пока письмо зачитывалось, стратиг делал вид, что внимательно слушает, думая про себя: «Господи, сплошное вранье, как его еще голубь только донес и не рухнул с неба». Глянул на невозмутимое лицо центуриона: «Молодец, все знает, а вид невозмутимый. Ох, уж это женское любопытство и длинный язык, доведут когда-нибудь до беды».

Начальник тайной стражи закончил читать послание и перевел вопросительный взгляд на стратига.

– А кто подписал, скажи, пожалуйста? – задал вопрос Андроник.

– Собственноручно печать приложил базилевс Константин, – было ему ответом.

– Ну, хорошо, будем собирать силы и готовиться к нанесению варварам первого удара под стенами крепости. Ударим, а там и помощь должна подоспеть. Неделя тебе на подготовку передового отряда. Понял меня центурион? Теперь прошу наполнить ваши чаши этим вином и выпить за здоровье базилевсов, всегда готовых прийти в трудный час на помощь своим подданным, – произнес стратиг, поднимая свою чашу, предупредительно наполненную центурионом Иоанном.

– За базилевсов! – провозгласил стратиг.

– За базилевсов! – повторили присутствующие бодрими голосами.

Все собравшиеся за столом отпили из своих чаш.

– Ну что же, завершим наш совет, – продолжал стратиг. – Тебя, начальник стражи, прошу быть свободным, а нам с центурионом еще нужно обсудить некоторые вопросы чисто военного характера. Начальник тайной стражи не замедлил с уходом, вышел с террасы во двор, запрыгнул на своего коня и выехал в широко распахнутые ворота, в сопровождении охраны.

Центурион Иоанн подсел поближе к своему командиру.

– Что будем делать?

И центурион, и стратиг прекрасно понимали, что выполнять приказ базилевса придется. И что помощи из Константинополя они не получат.

Базилевс Константин в империи не играл никакой весомой роли, фактически передав всю военную и политическую власть в руки своего брата Василия II. И поэтому на подпись и рассмотрение ему приносили либо ничего не значащие бумаги, либо те, под которыми по тем или иным причинам Василий не хотел ставить свою печать. Сейчас был именно тот случай.

– Мало того, что они не пришлют нам помощь, так еще и толкают нас на самоубийственные действия. Атаки на варваров приведут лишь к людским потерям, снизят боевой

дух гарнизона. И в случае неудачи дадут русским шанс ворваться на наших спинах в город. Совсем они там, у себя в столице, последнего ума лишились? – позволил себе возмутиться Иоанн.

– Да нет, центурион. Это просто писал тот, кто ничего не соображает в военном деле, а тот, кто поставил под всем этим свою печать, так до конца не понял сам, под чем подписывается. Результат всего может быть для нас очень плачевным. Не выполнить приказ императора я не могу. И если в течение недели мы с тобой не предпримем конкретных действий, уйдет донос императорам об измене. А дальше сам знаешь, что будет. Разбираться никто не станет, – ответил ему стратиг.

– Да, командир, положение сложное. Выходит, мы с тобой должны отправить на верную гибель, под стены города, треть наших людей, только для того, чтобы угодить идиотам в Константинополе?

Стратиг выразительно глянул на центуриона и приглушенным голосом произнес:

– Ты вообще-то потише говори, даже в моем собственном доме у стен могут быть уши. А насчет идиотов, ты не прав. Такая политика в империи уже давно. Я видел Константина. На идиота он не похож. Просто так задумано, чтобы свои промахи всегда было можно на кого-то списать. А заслуги присвоить себе. Византия уже не раз проходила двоевластие. За этим всегда скрывался кто-то умный и хитрый, тот, кто из этой ситуации извлекал для себя максимальную пользу, оставаясь невидимым для всех остальных. Ничего нового пока никто не придумал. Ну, хватит об этом, а то уже и так наговорили достаточно. Давай лучше подумаем, как будем выкручиваться.

– Я предлагаю за неделю подготовить до пятисот человек из городского ополчения, дополнительно придав им сто моих воинов. И всей этой группой ударить по русским под утро, со стороны западных ворот. Воинов поведу я сам. Если уже терять людей, так с толком. Вблизи стен, в случае отступления, нас прикроют лучники, на более дальней дистанции баллисты и катапульты отсекут преследующих. Если удача улыбнется, и мы застанем варваров врасплох, сомнем и погоним в сторону от города, то возможно удастся захватить или убить их кагана Владимира. Тогда и конец осаде.

В случае неудачи, будем отходить к воротам. Если увидишь, что русские прорываются вслед за нами, просто закроешь их, а те, кто останутся снаружи, будут умирать под стенами. Другого выхода я не вижу, – изложил свои мысли центурион.

– Я тоже не вижу другого выхода. С планом согласен, однако не вижу смысла тебе в этом участвовать самому. Ты мне нужен в городе, – рассудил стратиг.

– Кроме меня ставить во главе отряда некого. Остальные центурионы не имеют такого боевого опыта. Без толку людей положат.

– Давай, Иоанн, пока закончим про дела, а то уже и голова разболелась. Расскажи лучше, что тут в городе творилось, пока я лежал без памяти, – попросил его стратиг, подливая в чаши вино. Они сидели еще долго за неторопливой беседой, попивая разбавленное вино, пока солнце не стало клониться к закату, и не загудел колокол на соборе, собирая прихожан на вечернюю службу.

На террасу вышли жена и дочь стратига. Марина приветливо поздоровалась с Иоанном и спросила отца, пойдет ли он с ними на вечернюю службу?

– Нет, дочка, – ответил Андроник, – идите с мамой вдвоем, я пока еще не совсем здоров. Да и о многом следует еще подумать. Только возьмите с собой мою охрану. Не выходите в город сами. В военное время это небезопасно.

– С твоего позволения, стратиг, я составлю им компанию, тоже пойду на службу. А потом провожу обратно до дома. Если дамы не возражают? – предложил Иоанн.

По лицам жены и дочери Андроник прочел – дамы не возражают.

– Ну, раз так, идите с богом. Только после службы сразу домой. По лавкам не бегать. А то знаю я вас, до ночи за покупками ходить будете, центуриона замотаете, а у него завтра много дел и забот.

– Конечно, папочка, мы сразу домой, – прощевтала Марина, лукаво поглядывая на Иоанна, подбежала к отцу, чмокнула его в щеку и взяв центуриона под руку, важно проществовала к воротам.

Отец с улыбкой глядел ей вслед. Жена подошла к нему и нежно поцеловав, молвила:

– Милый, мы быстро, не скучай тут без нас.

Когда вся процессия покинула пределы двора, стратиг присел, от охватившей его слабости, за мраморный стол летней террасы. Солнце клонилось к закату, завершался еще один – восемьдесят третий день осады Херсонеса.

Глава 8. Чудеса да и только

Где Волк, он же Жробейн в переводе с варяжского – Серые Лапы, выздоравливает.

Жробейн резко пробудился оттого, что земля под его телом заколыхалась. Голубое небо потемнело, и облака, повисшие на нем, как-то неправдоподобно задвигались в сторону. За спиной он услышал чье-то сопение, и низкий женский голос произнес по-гречески:

– Ну и тяжелый ты, варяг. Полчаса тебя в дом затащить пытаюсь. А ты спишь как убитый и все никак проснуться не можешь.

Волк повернул голову и увидел знахарку, сидевшую на высоком пороге дома и вытиравшую пот с лица.

– Если бы не твой дурацкий порог, я был бы уже далеко отсюда. Я могу ходить.

Знахарка недоверчиво глянула на варяга, но возражать не стала, помогла ему подняться и, поддерживая, довела до постели.

– Хуух.... Наконец-то добрались, аж вспотел весь, – глубоко выдохнул Волк. Но сил вроде как начинает прибавляться.

– Странно, воин, что ты вообще пошел. Утром рана была открыта и кровоточила. А сейчас я не вижу на повязке следов свежей крови. Так быстро зажить не могло. Давай посмотрим, что у тебя там?

– Смотри на здоровье, – согласился Волк. – Только я смотреть не буду, а то от вида собственной крови сразу теряю память. Чужая – мне хоть бы хны, даже когда ручьем течет.

Знахарка поставила рядом с ним глубокую глиняную миску с заваренными в ней ароматными травами, в которой лежала заготовленная свежая повязка. Воин отвернулся, когда женщина принялась аккуратно снимать старую повязку, наложенную через всю грудь и спину и заканчивающуюся у левого плеча. Волк щурился и прикрывал глаза, ожидая резкой боли. Но боли он так и не почувствовал, а вскоре испачканная запекшейся кровью тряпка упала к его ногам. Первое, что он увидел, открыв глаза, это удивленный взгляд знахарки, направленный на его плечо.

Волк осторожно скосил глаза влево, где по его расчетам и должна была находиться рана. От изумления он вскрикнул. На месте раны осталось только небольшое, величиной с земляной орех, углубление, затянутое молодой кожей.

– Ого! – сказала знахарка. – Я многое видала на своем веку, но чтобы такая рана зажила за полдня, первый раз.

– Ничего нет, только рубец, – согласился Волк вслух, с опаской трогая то место, где его пронзила стрела. И, ощутив острый приступ голода, предложил:

– Давай, уважаемая, на радостях что-нибудь съедим.

Она в ответ кивнула, продолжая оставаться в глубокой задумчивости. Жробейн гораздо уверенней дошел до входной двери, переступил через злосчастный порог. Знахарка пристально смотрела вслед карими немигающими глазами.

Выйдя во двор дома, обнесенного, как оказалось, забором из связанных ивовых прутьев и закрепленных на вбитые в землю, грубо обтесанные деревянные колья, Волк огляделся. Слева стояла нехитрая выгородка из ивняка, в которой копошилась и кудахтала домашняя птица.

Перед курятником – грубое деревянное корыто, на одну треть заполненное водой. Справа аккуратно сложенный сухой валежник для очага. Волк открыл калитку, из ивовых прутьев, и вышел в сосновый лес, который окружал дом, образуя искусственную поляну.

Легкий верховой ветер едва покачивал кроны высоких сосен. Где-то рядом слышался плеск воды. Волк пошел на этот звук и обнаружил ручеек, стекающий с каменистого пригорка в ложбину, образующую небольшое озерцо. Вода в нем была чиста и прозрачна настолько, что сквозь нее просматривалось дно с гранитными валунами, поросшими желто-зелеными водорослями. Жробейн посмотрел на свое отражение и вошел в воду.

Она была прохладной и приятно обволокла тело варяга. Сделав еще несколько шагов в глубину, он поплыл к впадающему в озеро ручейку, осторожно работая руками. Плавать Волк очень любил. Вода всегда его успокаивала. Хотя где-то внутри он и побаивался бездны морей и рек, понимая всю ничтожность человека перед этой стихией, но всегда стремился быть с нею рядом. Проплыв совсем немного, Волк оказался рядом с ручейком, стекавшим водопадом с высоты, образованной грядой гранитных камней.

Он нашел опору – большой плоский камень, скользкий от водорослей, – и встал под струи обжигающей воды. В самом ручье она была гораздо холоднее. Вернувшись назад, он стряхнул воду с длинных русых волос и пригладил их руками.

Знахарка, посмотрев на мокрого и по пояс обнаженного Жробейна, произнесла:

– Иди в дом, там все чистое приготовлено. Как все сделаешь, позовешь, а то еда уже на столе, только тебя и жду.

Волк переоделся в простые холщовые штаны и такую же рубаху, присел на дубовую лавку за накрытый стол и позвал хозяйку. Она села напротив варяга.

– Бери, что видишь, все на столе, не стесняйся.

Волк и не стеснялся. Вдыхая запах жареного мяса, заворачивая его в тонкую необычную лепешку, он только сейчас понял, как проголодался за все это время. Хозяйка налила в деревянные кружки какого-то незнакомого напитка. Жидкость приятно обожгла гортань и язык, голова слегка закружилась.

– Ты заедай, заедай, напиток-то он крепкий, но полезный, на целебных травах настоящий.

Волк ел молча, внимательно рассматривая хозяйку дома. Одета она была в длинный, почти до пят, цветной балахон из дорогого шелка. Такую ткань он видел в Византии, у купцов с востока – мусульман. Стоила она дорого, потому что привозили ее из далекой страны, и, как говорили купцы, над производством нитей для этой ткани трудились тысячи червяков. Варяг тогда, посмеялся и не поверил.

Ноги знахарки были обуты в греческие сандалии из телячьей кожи. Длинные черные с проседью волосы обрамляли крупное лицо. Выразительные добрые карие глаза насмешливо наблюдали за жадно поглощающим пищу варягом. На шее хозяйки Волк приметил большой серебряный крест с распятием. «Такие кресты носят только христиане, – подумал он, – и знахарка явно одна из них».

Трапеза подходила к концу. Жробейн ощущал приятную истому во всем теле. Его начало клонить в дрему, но он понимал, что послеобеденный сон самое удобное время застать воина врасплох. Да и момент очень уж удачный выдался поговорить со знахаркой по душам. Слишком много накопилось вопросов, а ответы на них могли многое разъяснить и поменять в его жизни.

Жробейн это почувствовал тем внутренним чутьем, которое не раз выручало его в трудных ситуациях. Варяг внутренне встрепенулся, победив послеобеденную дрему, и задал первый вопрос:

– Как называть себя позволишь, хозяйюшка? А то столько дней у тебя живу, а имени твоего не знаю. Ты про меня вроде все ведаешь. И звать меня как, и откуда я. А я в неведении маюсь, просвети недалекого.

Варяг с удивлением заметил, что его собеседница просто захлебывается от беззвучного смеха, глядя на лукавого гостя.

Обладая природной сообразительностью, Жробейн сразу понял, что знахарка если не читает его мысли, то каким-то непостижимым образом просчитывает его на два-три хода вперед, поэтому и отбросил все уловки.

– Ладно, тетушка, – определить возраст сидевшей перед ним женщины он так и не смог, а посему подобрал самое вежливое, с его точки зрения, обращение, – выкладывай все начистоту, я очень хочу понять, что же все-таки со мной произошло и почему все так, а не иначе. Зажившая буквально на глазах рана и странные сны, твой дом и этот лес с озером. Ты спасла мне жизнь. Не знаю, как и отблагодарить тебя.

Знахарка, вдоволь насмеявшись и поняв, что собеседник отбросил свои опасения и уже готов к доверительной беседе, налила в две одинаковые, похожие на пиалы, глиняные чаши душистый горячий отвар, выставила горшочек золотистого меда и, положив деревянные ложки на стол, сказала:

– Зови меня Софьей. Тетушкой Софьей.

Зачерпнув из кувшина мед, она опустила его в горячий отвар и стала неспешно помешивать. Варяг последовал ее примеру. Выпив отвар, Волк почувствовал, как приятное спокойное тепло разлилось по всему телу. Воздух наполнился душистым ароматом, дышать стало легче. И вскоре он ощутил, что его усталость и раздражение куда-то улетучились. И сейчас за столом перед знахаркой сидел прежний, полный сил варяжский воин – Волк, вольный дружинник князя Киевского Владимира.

Словно угадав в нем все эти перемены, знахарка продолжила:

– Благодарить надо не меня, Жробейн, а Господа нашего. Услышал он твой призыв, дал мне найти тебя и силы дотащить до дома. А там уже только воля Его позволила ране твоей зажить так быстро. Лекарства мои помогают, но на чудеса они не способны. Так что Бог бережет тебя, варяг.

А насчет врагов своих не беспокойся. Мало кто знает про это место, а если кто и знает, сам без моей воли и Божьей помощи найти не сможет. Защищено оно от глаз людских. Днями будешь по лесу бродить, рядом пройдешь, а домик мой не увидишь. Проверено это уже не раз.

Благодарность мне твоя, воин, приятна, но не нужна. За добрые дела не жди благодарности. Дела добрые самому Богу угодны. И потому для тебя нужны много более, чем для других. Добро и зло на небе и на земле несмываемым письмом пишутся, а затем к сотворившему их возвращаются рано или поздно. На чаше весов они постоянно, мера их ведет счет деяний жизни нашей земной. По ним и суд нам будет.

– А кто же судить нас будет, тетушка Софья? Бог? После смерти? – перебил вопросом знахарку Жробейн.

– Да, Бог – это высший судья над человеком. Но он любит всех одинаково, и всякий раз дает своим детям шанс исправить сделанные ими ошибки. И чем неразумнее его дитя, тем больше шансов к исправлению. Но с тебя, меня и таких, как мы, спрос гораздо строже будет. Ибо для суть ведающих, чьи глаза открыты, спрос не за ошибки, а за подлость, учиненную вдвойне, а то и втройне, потому что ведаем, что творим.

И нет для человека судьи более беспощадного и справедливого, чем он сам. И нет наказания страшней, чем от собственной совести наказание, убежать от которого невозможно, так как бегство от самого себя невозможно.

– А что же, если Бог все ведает, он не подскажет человеку, не вразумит, не даст по голове, чтобы одумался, исправился?

– По голове, говоришь, дать? Это можно, конечно. Да толку немного будет. Ведь сам подумай, силой только подчинить и заставить можно, но любить и понимать – никогда, хотя, наверное, бывают и исключения.

Жробейн задумался: «А тетушка-то права. Сколько раз он сам задавал себе эти же вопросы? Сколько раз круто менял свою жизнь, в поисках не столько лучшей доли, богатства и славы, а лишь в целях найти на них ответы. И каждый раз убеждался лишь в одном, что либо нет на этой земле правды, либо он, Волк, не там ее ищет.

Богатство, нажитое грабежами, не радовало. Слава, омытая кровью невинных людей, которые гибли в результате грабительских набегов на чужие земли, когда ради устрашения и наживы, а когда и просто потехи ради, победители не щадили никого, вырезая всех, даже детей и стариков.

Да, он служил и выполнял приказ, делал то же, что и все, но слабая это отговорка для собственной совести. Пытался забыть, залить вином, не получилось. Лишь со временем стал понимать, что кто бы ни отдал тебе приказ, ты всегда сам в ответе за содеянное тобой. А теперь еще знахарка то же говорит. Она права, от себя бежать некуда».

Вот почему последние пять лет он не нанимался ни к кому на воинскую службу. И даже от друга своего князя Киевского был независим. От предложений поступить к нему в дружину уклонялся. Хотя в свое время оказал ему немалую услугу, поддержав со своим северным отрядом его борьбу за Киевский стол.

– Так как же жить дальше, тетушка Софья? Как раньше жил – уже не живу, а как по-другому, не знаю. В чем найти опору?

– Ответ мой для тебя, воин, один, – молвила, указав на иконы за горящей масляной лампадкой, Софья. – Путь твой тоже один. К вере Христовой лежит он. И нет у тебя другого.

– Но примет ли меня Господь, ведь столько зла за плечами. Я не могу воскресить убитых, вернуть все вспять, и нет другой жизни у меня.

– Ты воин, Жробейн, твой путь это путь воина. Но ради чего обнажал ты свой меч? Ради кого убивал? Ответь себе сам честно на эти вопросы, подумай и пойми, наконец, что твое предназначение – не бессмысленное убийство ради славы и богатства, а защита. Защищать можно только своих родных и близких, свою землю, свой народ, веру. И только тогда ты почувствуешь правду в делах своих. А для этого важно обрести то, чего у тебя нет сейчас. Это и есть твоя твердая почва под ногами. Без нее не найдешь ты себе покоя, как ни ищи. Но все это уже скоро будет у тебя, – сказала знахарка, вставая из-за стола и давая понять, что на сегодня их разговор закончен. Однако вскоре добавила:

– Тебе есть над чем думать, ночь впереди долгая. Уйдешь к своим под стены Херсонеса завтра вечером. Так будет надежнее.

Волк, улегшись на кровати, задумчиво изучал дощатый потолок. Солнце уже окончательно зашло за горизонт. Знахарка зажгла толстую свечу и по комнате забегали блики от ее пламени.

Глава 9. Греческая вылазка

Ранним утром по улицам города пронеслась охрана стратига, сопровождающая его в направлении западных ворот. Там, между внутренней и внешней оборонительными стенами, центурион Иоанн уже построил воинов, с которыми завтра суждено ему было совершить вылазку и ударить по позициям русских варваров. А сегодня стратиг принимал у центуриона доклад о готовности отряда. Как и договаривались, отряд сформировали в основном из городского ополчения и усилили опытными бойцами, прибывшими с центурионом из Константинополя.

Стратиг миновал ворота внутренней стены и сразу оказался перед строем греческих солдат. Их доспехи поблескивали в лучах солнца. Раздалась команда центуриона. Солдаты замерли в строю. Отдав рапорт о готовности отряда, Иоанн занял свое место, слева от командира.

Достаточно было стратигу окинуть пристальным взглядом строй солдат, чтобы понять, что перед ним стоят новобранцы, и только изредка его глаза наталкивались на ветеранов.

Его друг все организовал правильно: не отделил бывалых от новичков, тем самым сделал свой отряд более управляемым и жизнеспособным, насколько в данном случае это вообще было возможно.

Стратиг подъехал на коне ближе к строю и, повысив голос, обратился к солдатам:

– Защитники Херсонеса! К вам обращаюсь я, патрикий Андроник Калокир. Беззаконные варвары-русы, не знающие культуры и веры, тщетно уже три месяца пытаются захватить наш город. Это им не удалось до сих пор и не удастся впредь. А все потому, что мощь нашей великой империи безгранична, сила ее базилевсов неисчислима, и по их решению мы завтра на рассвете нанесем варварам первый свой сокрушительный удар, от которого они не скоро опомнятся.

Воины, вам выпала великая честь быть в первых рядах тех, кто под предводительством нашего базилевса Константина, спешащего к нам на выручку, положит начало освобождению родного города. В бой вас поведет лучший центурион. Всем, кто проявит бесстрашие и храбрость, будет выплачено дополнительно из казны города по десять золотых носим. Будьте стойки в бою, не посрамите своего командира. Да пребудет с вами Бог! Все храмы Херсонеса уже молятся о победе вашего оружия. Слава базилевсам!

– Слава! Слава! Слава! – трижды нестройно и как-то понуро прокричали новобранцы.

Они явно не понимали, ради чего их оторвали от ремесел и семей и через неделю непрерывной муштры бросают в бой за крепостные стены.

Лица ветеранов, реально осознающих всю опасность завтрашней вылазки,

были суровы и серьезны. Стратиг подозвал к себе центуриона и, нагнувшись к нему, прошептал:

– Запри их в казармах, в город не пускай, разбегутся, не отыщем и через месяц. Вина дай только перед выступлением, а то со страху заранее напьются и до ворот не дойдут.

Андроник перевел взгляд на солдат и громко сказал:

– Завтра нелегкий день, воины. Вы славно потрудились, приобрели опыт настоящих солдат империи. А теперь отдыхайте до утра.

Стратиг спешил, подозвал центуриона, и они пошли вдоль крепостной стены.

– Не хотел бы я, друг, чтобы ты командовал этим отрядом. Предчувствие у меня нехорошее.

– Не пойду я – тогда варвары всех перебьют, а так, может, кто-то и спасется.

– Наверное, ты прав. Одно прошу, поймешь, что все кончено, выводи людей и уходи сам. Я поддержу тебя со стен. Три сотни конников будут наготове у ворот, в случае если прорвете кольцо варваров. А там одному Богу ведомо, может, возьмем их кагана в плен или убьем, тогда русские сами разбегутся из-под наших стен. В общем, желаю тебе, центурион, остаться в живых, – закончил речь стратиг, пожимая руку Иоанну.

Тот еще немного постоял в задумчивости, а затем решительно зашагал по направлению к лестнице, ведущей на вершину наружной крепостной стены.

Расположившись между бойниц, он пристально вглядывался в пространство за стенами, планируя предстоящее наступление.

Наступила ночь, и Херсонес погрузился во тьму. Казалось, сегодня даже огни, зажигаемые на стенах осажденного города, горели в своих жаровнях как-то не очень охотно. И казалось, что город совсем уснул. Его ночной покой нарушали лишь перекликающиеся между собой часовые. Сонную тишину, уже ближе к утру, потревожил скрип поворачиваемых блоков, которыми защитники приводили в готовность катапульты, да приглушенный топот конских копыт.

Всю ночь караулы на стенах не менялись, а только усиливались. Под самое утро греки начали тушить горящие угли, понемногу подливая в жаровни воду, так что стороннему наблюдателю могло показаться, что огонь в них гаснет сам по себе. И уже совсем скоро жаровни погасли, крепостные стены погрузились в предрассветный сумрак. Только горящие костры русских слабо прорезали темноту снаружи крепости. В назначенный час беззвучно были открыты загодя смазанные жиром наружные ворота, и из них ровным строем, стараясь не бряцать металлом доспехов, вышел отряд, выстраиваясь у крепостной стены в старую добрую греческую фалангу.

Фаланга, ошетилившись частоколом копий, ускоренным шагом, пытаясь сохранять строй, двинулась в сторону горящих костров. Скорость ее движения постепенно нарастала, и уже у позиции варваров она перешла на бег, поражая все на своем пути выставленными перед собой копьями. Ее встретила, сомкнув щиты, передовая русская застава. Раздался треск копий, на миг движение фаланги остановилось. Но, учитывая явный перевес в численности нападавших, она все же медленно начала продвигаться вперед, тесня варваров вглубь их лагеря.

Воевода Даниил, разбуженный шумом на заставе, подскочил, распахнул спящего рядом дружинника, и со словами: «Вставай, друже, бегом беги, подымай всех. Греки из города на нас полезли. Я к передовой. Там встречать вас буду», – подхватив щит и тяжелое копье, бегом рванул в сторону заставы.

Русский лагерь постепенно оживал. Воевода приводил отряды в боевой порядок и отправлял навстречу грекам. Однако ромейская фаланга неумолимо продвигалась к центру лагеря осаждающих, прокладывая себе дорогу частоколом остро заточенных копий. «Ага, спереди ее не взять», – смекнул Даниил. И тут же, свистнув, скомандовал:

– Первая и вторая сотни справа заходи, вторая и третья слева, лучники – назад, бей гадов с боков!

Русские, быстро перегруппировавшись, надели на ромейское построение с новой силой. Фаланга, вынужденная отбиваться от них с флангов, остановилась. Русичи, придя в себя ото сна и внезапности нападения, стали обстреливать фалангу из луков, нанося значительный урон грекам. Центурион Иоанн, находившийся в самом центре плотного строя, увидел, что его воинам грозит окружение. И руководствуясь планом сражения, скомандовал:

– Фаланга, построение «проход»! Передовой отряд, за мной!

Греческий строй разделился надвое, развернув копья в сторону нападающих с флангов варваров, образовав широкий проход внутри русского лагеря. А бывалые воины во главе с центурионом, обнажив мечи, кинулись в бой, добывая остатки передовой русской заставы.

Стратиг Андроник, наблюдавший за ходом боя с самого начала, во главе конницы ринулся через открытые ворота в проделанную фалангой брешь. Путь к лагерю Владимира был открыт. Оставалось лишь добраться до него, смять охрану и пленить незадачливого князя, а затем, прикрываясь им, как щитом, от русских стрел, вернуться в город. «И неужели настанет конец проклятой осаде?» Эти мысли мгновенно пронеслись в голове Калокира, мчащегося в первых рядах имперской отборной тяжелой конницы к лагерю киевского князя.

Он успел заметить, что его тяжелая конница мимоходом выкосила остатки русских на своем пути, как центурион Иоанн добивает очередного варвара. И крикнул ему на полном скаку:

– Иоанн, держись!

Его отряд уже разворачивалась для атаки на лагерь Владимира, вдали был виден большой княжеский шатер. Стратиг прищпорил коня. Перед шатром плечом к плечу стояли несколько десятков русских воинов, с тяжелыми большими щитами, выставив вперед копья и уперев их древками в землю. Мгновение – и лава конницы поглотила горстку храбрецов, защищавших своего князя. Рассвет огласили истошное ржание наткнувшихся на копья лошадей и предсмертные крики всадников. Варвары же умирали молча. Через несколько минут все было закончено. Стратиг соскочил с коня и в сопровождении нескольких воинов бросился к шатру.

Утренний свет проник за плотный полог и осветил княжеское походное ложе, застеленное шкурами диких зверей, и большой пень, на котором лежала раскрытая книга в кожаном переплете, инкрустированном серебром, с такой же серебряной застежкой. Стратиг приблизился, брови его приподнялись от удивления. Это было Евангелие в греческом переводе.

К стратигу подошел центурион конного отряда.

– Мы обыскали все вокруг, их конунга здесь нет. Нашли только вот его.

И из-за спины центуриона греческий всадник вытолкнул мальчика лет тринадцати, в белой рубахе и таких же портах.

– Сонного взяли, убежать хотел, пытался за меч схватиться. Варварский звереныш!

Стратиг посмотрел на пленника и спросил:

– Где твой конунг, где Владимир? Ты понимаешь меня?

Отрок, криво усмехаясь, в одно мгновение правой рукой сложил пальцы в кукиш, а левой метнул в стратига резким движением тесак, незаметно вынутый им из складок широкой рубахи. Нож со звоном отскочил от своевременно подставленного конником щита.

– Уходим! – коротко бросил стратиг, и греки устремились туда, где фаланга из последних сил держала проход обратно в крепость.

На поляне у княжеского шатра, стоя на коленях, умирал русский отрок, срубленный, как пшеничный колосок. В его мертвеющих голубых глазах отражался восход летнего таврического солнца, по белой холщовой рубахе расплывалось большое кровавое пятно.

Андроник в первых рядах врезался в гущу сражения, прорубая себе дорогу мечом. У самого начала «коридора» он заметил Иоанна, отбивающегося от трех варваров, рядом бились еще около десятка его воинов, – все, что осталось от сотни ветеранов центуриона. Стратиг на полном скаку достал мечом одного из нападавших и крикнул:

– Бросай все, отходи вместе со мной, я возьму тебя на седло.

Иоанн, пытаясь перекричать шум битвы, указал мечом в северном направлении.

– Поздно, нам уже все равно не поможешь, а ты спасайся сам и вывод конницу, торопись, а то можешь не успеть.

Андроник повернул голову и увидел клубы пыли, которые приближались к месту сражения с северной стороны крепости.

– Прощай, центурион, все в руках Божьих.

Стратиг, пустив коня в галоп, двинулся в проход по направлению к крепостным воротам. Перед его глазами, как в тумане, проплывали спины солдат, отбивающихся от все сильнее наседавших русичей. Обернувшись, он рассмотрел в приближающихся клубах пыли силуэты варварских всадников, направляющихся на перехват его конницы.

Ворота крепости были еще закрыты, когда конь стратига миновал коридор, все еще удерживаемый фалангой, и во весь опор ринулся к ним. Со стен заметили мчащихся к городу всадников и стали открывать ворота. А когда до них оставалось не более ста локтей, стратиг услышал свист стрел. Это варвары начали обстрел крепостных стен и спасающейся бегством греческой конницы. Били они точно и умело, прямо с седла на полном скаку.

Прижавшись к гриве своего коня, Андроник через несколько секунд влетел в открытый проем западных ворот. За ним – около двух десятков воинов. Все, что осталось от трех сотен отборной тяжелой конницы греков. Ворота за всадниками с треском захлопнулись, заскрипели задвигаемые на петлях засовы. Конь под стратигом с хрипом начал заваливаться на бок. Андроник быстро выдернул ногу из стремени и, спрыгнув с загнанного коня, устремился на крепостную стену. Осторожно, опасаясь шальной стрелы, он выглянул в проем бойницы.

Перед ним предстала полная картина завершающегося сражения. Русская конница на всем скаку врзалась в проход и ударила по спинам греков. Фаланга, лишенная возможности маневрировать, окруженная со всех сторон, доживала последние минуты.

Стратиг снял шлем, вытер рукой вспотевший лоб, подозвал офицера «огнеметателей» и отдал приказ, не глядя ему в глаза:

– Заряжай катапульты греческим огнем. Поджарьте варваров, немедленно. Пожилой воин, так же не глядя на стратига, возразил:

– Но там же еще идет бой, под огонь могут попасть и наши люди?

– Выполнять! – рявкнул стратиг. А потом уже более спокойно добавил, – там, за стенами, уже все кончено, облегчи им их позор и страдания.

Через некоторое время в воздухе засвистели ядра катапульт. Ударяясь о землю и выплескивая из себя фонтаны огня, они образовали сплошной огненный ковер. Раздались крики сгорающих заживо раненых – греков и русских. Запах горящего человеческого мяса распространился по степи и достиг крепостных стен. Почувствовав его, стратиг Херсонеса Андроник понял, что с этой минуты ему из города живым не уйти.

Он бросил усталое тело в седло и медленно двинулся в сторону центра, безучастный ко всему происходящему. Полностью отдавшийся своим мыслям, он не слышал возмущенных криков горожан, разгоняемых его охраной, которая, следуя по пятам, абсолютно не представляла, куда он направляется.

Спросить же у своего мрачного командира, куда он держит путь, они не решались. О том знал только сам византийский патрикий, стратиг Херсонеса Андроник Калокир.

Глава 10. Неправильные варвары

В ночь после чудесного исцеления Волк долго не мог уснуть. За один день он получил ответы на вопросы, которые уже несколько лет не давали ему жить спокойно.

«А тетушка-то не проста, ох не проста. На одни вопросы ответила, а других еще больше появилось. Направление показала, а что в той стороне неведомой ожидает, умолчала.

Вот так всегда на Руси, – продолжать размышлять Волк. – Пойди туда, не знаю куда. Принеси то, не знаю что. Не жизнь, а сказка сплошная. Ну да ладно, основное понятно, а завтра целый день впереди для разговоров. Нужно выспаться. Дорога до Корсуни неблизкая. Конному-то день пути всего, да где же взять того коня? Мой-то небось, уже у кого-то под седлом бегают. Так что топать и топать мне до Корсуни дня три, это точно. Может, куплю коня по дороге, если попадется? А на что? Денег я своих пока нигде не видал, хотя уходил из Киева с полным кошельком греческих золотых носим. Для тетушки Софьи это целое состояние, наверное. И спрашивать о них не с руки как-то, обидится еще.

Так что придется тебе, Волчьих лапы, предстать перед князем Киевским во всей красе, без коня и без денег. Но хоть голова на плечах осталась, а это уже не мало».

Свеча, уронив последние капли жира в бронзовый подсвечник и напоследок моргнув догорающим фитильком, погасла. Дом погрузился во мрак, и Волк наконец-то уснул.

Утром он проснулся от грохота и звона. Приоткрыв глаза, увидел, что его спасительница, убирая в избе, двигает медные кувшины, составляет в стопки многочисленную глиняную и деревянную посуду. Дощатый пол в доме был выметен и начисто вымыт. По всей видимости, хозяйка уже заканчивала наводить порядок, и пробуждение Волка пришлось на последние штрихи. Варяг с удовольствием потянулся, прислушиваясь к ощущениям в своем теле. «Как приятно встать с утра, когда у тебя ничего не болит, а сам ты свеж и бодр», – подумал он и резво соскочил с кровати.

– Доброго здоровья, хозяйка, – сказал Волк по-русски.

И с удивлением услышал ответ на том же языке:

– И тебе, варяг, не хворать.

Хозяйка перешла на греческий и проворчала:

– А ты все-таки прыгай поосторожнее, рана только вчера зажила, не забывай. Иди-ка, садись за стол. Завтрак для тебя нехитрый, но полезный.

Волк приподнял белое полотенце, которым были накрыты сыр и хлеб. Перекусив и запив еду холодным молоком, он обратился к хозяйке:

– Тетушка Софья, ты же христианка?

Получив утвердительный кивок, задал следующий вопрос:

– Расскажи о вере своей и как и зачем ты живешь в этой глуши, далеко от людей, от города?

– Все хочешь знать и сразу? – ответила вопросом на вопрос хозяйка. —

Ладно, раз хочешь знать, тогда слушай. Разговор наш долгий будет.

Родилась я в Македонии, в семье простых крестьян. Македония на тот момент, как и сейчас, – византийская провинция, давшая начало знаменитой Македонской династии римских императоров.

И была бы я и дальше крестьянкой, если бы троюродный дядя моей матери не стал императором Василием Первым и основателем правящей по сей день греко-армянской династии. Наши императоры Василий и Константин – его прямые потомки. И жили бы мы со своей семьей небогато и, возможно, счастливо, если бы не решил Василий все свое семейство перевезти к себе поближе, в Константинополь.

А сделал ли он это от чистого сердца, заботясь о благе родственников, или для того, чтобы никто не болтал о его нецарском происхождении, это одному Богу ведомо и самому базилевсу, упокой Господь его душу. Родственников у него оказалось немало. И вся эта толпа малограмотных, неотесанных крестьян и ремесленников очутилась в столице. Каждый из них, кто был мужского пола, получил государственную должность, а семьи их осыпаны благодеяниями щедрого и великодушного императора и допущены ко двору. Многие заняли ключевые посты в церкви и в управлении империей.

Но, как сам понимаешь, толку от этого было мало. Хитрая, жадная малограмотная родня Василия первым делом постаралась отстранить от управления империей и церковью самых работоспособных и талантливых, которые мешали им оголтело воровать и без зазрения совести залезать в государственную казну. Бессовестно обкрадывая собственный народ, они быстро забыли о своем происхождении, погрязли в роскоши и разврате. Всех, кто сопротивлялся этому, интригами и ложными доносами ослепляли, высылали за пределы столицы, а некоторых даже казнили.

Наконец, многочисленная наша родня прочно укоренилась на своих местах, получила доступ к огромным богатствам и, жадно набивая себе карманы казенным золотом, начала безжалостную борьбу между собой за положение при императорском дворе. Самое печальное, что и византийскую церковь участь сия не миновала.

А что же базилевс Василий? Окружив себя бездарными малограмотными интриганами, которые с легкостью заваливали каждое порученное им дело, превращая любое доброе начинание императора в средство собственного обогащения и тем самым губя его на корню, император был вынужден многими вопросами, в основном военными, заниматься сам. Это позволило хоть армию содержать в каком-то порядке и отражать нападения соседей на рубежах.

Империя трещала по швам, народ страдал и бедствовал. Базилевс разрывался на части со своим войском по границам, где ему приходилось отражать нападения соседей. В самой Византии вспыхивали восстания недовольных граждан, организованные бывшей знатью, выжитой из столицы семейкой императора.

К концу жизни Василий возможно и осознал свою ошибку, но изменить ничего уже не мог. И неведомо до сих пор, как он умер, своей смертью или помог кто из родни, чтобы себе расчистить место на троне. Империи лихорадило, то и дело в провинциях вспыхивали недовольства и бунты. Наместники сменяли друг друга, приводя к власти бездарных родственников и приближенных.

Так рождалась Македонская династия, которая правит до сих пор. Как выстояло государство, мне до сих пор непонятно. Наверное, только духовные устои христианской церкви сдерживали ее от развала. Только церковь и вера в Христа на протяжении этих долгих лет скрепляет имперские народы.

Поэтому и вдвойне вредно для государства, когда священник души людские лечит грязными руками и нечистой душой, заботясь о кармане своем и прихотях земных сиюминутных, тем самым людей от веры отвращая. Хотя вера здесь при чем? Она чиста и непорочна, как младенец.

А в церкви служит кто? Человек. Слаб он, грешен, как губка впитывает он пороки общества. Но есть одна надежда, вера Христова силу такую имеет- всю гниль и грязь от себя оттолкнуть, а заблудших на путь истинный направить.

Церковь поэтому и жить будет, что очистить сама себя сможет. Великое добро и справедливость в заветах и в ученье своем она несет. Потому злу, лжи и прочей мерзости людской в ней и рядом с ней места нет, и никогда не будет. Империя, как и все до нее существовавшие, погибнет. Не будет стоять государство, созданное на рабстве, крови и несчастье своих граждан. Такое государство рано или поздно обречено. Очиститься Византия, как цер-

ковь, не сможет. Государству, забывшему свое предназначение и заповеди Христа, нет места в истории. Да и на его пороге уже стоят молодые, жадные к жизни и знаниям племена, такие как Русь.

И потому я говорю с тобой, варяг, что вижу будущее твое и твоей страны, которое скрыто еще от тебя, и князю, другу твоему, неведомо. Ты – человек, душой далекий от власти и денег, а потому – свободный по своему духу. А поэтому и веру себе выберешь сам, и власть имущие, ум имея, тебя слушать будут. Понимать, так до конца и не поймут, как любого из нас суть ведающих, но слушать тебя князь Киевский Владимир и уважать за мнение твое бескорыстное и особое будет, это точно. Русь станет христианской. И, поверь мне, уже скоро. Великое государство на ее месте стоять будет в веках, хотя и бед переживет немало.

Многие народы, и те, что с верой иной, в государстве том жить смогут, благодаря доброй душе людей русских и терпимости веры Христовой. Основа Руси – чистая душа ее народа с верой Христовой святой воедино соединенная. И пока основа эта жива, никакие силы народ ваш не согнут и ни один враг вас не повергнет. И как бы ни было вам трудно, Бог вас будет хранить, северный народ, а вы собою сохраните и убережете многих. В этом ваше предназначение, варяг, и твое тоже.

И если хватит широты души и глубины ума, возьмите самое хорошее, что есть в Византии – веру, а золото, омытое в крови людской, оставьте нетронутым, ибо не принесет оно счастья ни вам, ни детям вашим.

И если сложится так, как я это вижу, то суждено вам быть первыми варварами в истории мира, которые пришли с мечом, чтобы наполнить душу народа, а не его карманы. И за это Бог воздаст вам во многом.

А потому и ответ на незаданный вопрос твой. Иди, Византия обречена, заберите с собой на Русь и там сохраните веру святую. Первым из многих сам ты ее обретишь, а следом семью и Родину. В этом – смысл твоей жизни. Без этого свобода твоя пуста и никчемна. Служение отчизне, забота о семье, защита веры своей – высшее предназначение воина. И только на Руси ты воплотишь все это в жизнь, и при этом сможешь сам остаться свободным.

А сейчас собирайся, самое время тебе идти. Князь, поди, уже заждался. Без тебя песня не сложится, не взять ему Корсуни. Помни, воин, вера в учение Господа нашего – залог совести и свободы воли твоей.

Жробейн, приладив к поясу оружие, закинув за спину лук, подошел к знахарке, сидевшей за столом, и произнес:

– Благодарю тебя, тетушка, за заботу, кров и жизнь мою, тобою спасенную. За мысли твои вдвойне признателен. А я пошел, до Корсуни путь не близок. Пospеть бы дня за два.

– Постой, воин, не все свое еще забрал, – она протянула туго набитый кожаный кошель, смотря хитрыми глазами на варяга. – Твой, небось?

Затем, взяв его за руку, проводила на поляну, выгороженную бревнами, где мирно пасся его конь, уже оседланный и готовый следовать в путь со своим хозяином. Видя замешательство варяга, женщина с доброй улыбкой вытащила из-за спины сверток.

– А вот и мой подарок тебе.

Жробейн развернул холст, и в его руках оказалась старая книга в потертom кожаном переплете, инкрустированном золотом, на золотой застежке красовался большой голубой камень. Это было греческое Евангелие.

– Век тебя буду помнить, тетушка. Доведется ли свидеться? Но слова твои до смертного часа в голове моей отпечатаны.

Знахарка указала рукой в направлении знакомого варягу ручья.

– Корсунь там, город найдешь быстро, но будь осторожен.

Она перекрестила вскочившего на коня Жробейна, махнула на прощание рукой и пошла в дом. Волк тронул коня. Тот легко перескочил через изгородь и исчез в лесных зарослях.

В опустевшей лесной хижине Софья стояла на коленях перед иконами с негасимой лампадой и молилась на одном ей понятном, родном языке за него и всех русских, которым суждено было нести веру Христову сквозь века.

Глава 11. Исход

Исход греческой вылазки. Или о том, как жестокость порождает ненависть.

Врубившись в тыл расщепленной надвое фаланги, и тем самым завершив ее полное окружение, русские конники во главе с князем Владимиром вихрем пронеслись от городских стен до своих позиций, срубая на скаку греков, как серп срезает спелые колосья пшеницы.

Князю, находившемуся у северной стены, где он по своему обыкновению проверял боевое охранение войск, потребовалось не более десяти минут после сообщения о греческой вылазке, чтобы отдать необходимые распоряжения, собрать воинов и во главе конного отряда в пятьсот мечей выдвинуться на подмогу воеводе Даниилу.

Бой подходил к завершению, на поле сражения оставались только трупы и стонущие раненные с той и другой стороны. Воевода Даниил, вытирая пот с лица тыльной стороной ладони, доложил:

– Добро, князь, побили мы греков, под тысячу их почти полегло. Из наших – только застава, почти полностью. Она первая приняла на себя удар, все остальные живы. Сейчас дам команду собирать раненых. – И вопросительно глянув вверх на князя, сидевшего на коне, добавил, – соберем всех, князь, и своих и чужих?

– Собирай всех, Данила, негоже им в степи умирать, как собакам, а из крепости им не помогут, – ответил князь и тронул коня в сторону своего лагеря.

Не успел Даниил обернуться, чтобы дать указания, как в тот же миг из-за стены осажденного города с противным, рвущим душу свистом начали вылетать огненные шары. Они разрывались на том месте, где еще недавно шел бой, выплескивая из себя фонтаны огня, разливающегося по степи сплошной огненной рекой, которая мгновенно захлестнула и мертвых, и живых. Страшные крики сгорающих заживо в диких мучениях людей огласили окрестность. У русских воинов, повидавших многое на своем боевом веку, волосы становились дыбом от ужаса происходящего.

Сначала они кинулись к пылающей степи, спасти умирающих, но нестерпимый жар отбросил их обратно, а тех, кто все-таки успел вскочить в эту огненную реку, больше уже никто в живых не видел. Прошло несколько мгновений, пока Даниле громкими окриками не удалось отвести стоявших в немом оцепенении товарищей от опасной огненной грани. В их глазах он видел не страх, а только скорбь, и немой вопрос – зачем? Бессмысленная жестокость происходящего была им чужда и непонятна.

Казалось, что и находящееся в зените солнце, пробивающееся к земле своими лучами сквозь завесу гари и дыма, задает со своей высоты копошащимся внизу людям тот же вопрос. Воевода Даниил опустил на колени и, подняв глаза к небу, негромко произнес: «Господи! Если ты это видишь, прекрати весь этот ужас. Помоги отомстить!»

Первое потрясение воинов от увиденного стало проходить, теперь лица русичей были спокойны и суровы, а в их душах огненным бутоном, жгущим сильнее греческого огня, расцветала ненависть. Князь Владимир, не успевший отъехать далеко от места обстрела, взирал на происходящее с небольшой возвышенности.

Греки с крепостных стен видели за клубами черного дыма силуэт одинокого всадника, застывшего на вершине холма. И каждый из защитников крепости, словно почувствовав его гневный пронзительный взгляд, старался вжаться в спасительные крепостные стены, ибо поняли в тот момент греки, что расплата за содеянное ими сегодня уже близка и пощады не будет.

Мольбы и призывы с одной и с другой стороны крепости были услышаны свыше: подул сильный ветер, небо, и так черное от поднимающейся к нему зловонной гари, стало еще темнее, заволакиваясь грозowymi тучами. Небесную высь прорезали вспышки молний,

завучали первые басы громовых раскатов. На изможденную августовской жарой и огнем землю упали первые крупные капли дождя, как будто хотели смыть всю грязь и позор содеянного под стенами Корсуни.

И вскоре на землю хлынул ливень. Полыхавший огонь понемногу утихал, и последние всполохи пламени уже не были заметны в выгоревшей степи.

Русские воины, оставшиеся там, где их застала гроза, и прикрывшие головы от проливного дождя щитами, боязливо поглядывали из-под них на громыхающее, в сполохах молний небо. Многие из греков, спрятавшись под стенами от налетевшей внезапно грозы, истово молились.

Стороннему наблюдателю могло показаться, что жизнь и война в этом мире остановилась. Остановилась в тот момент, когда кто-то большой и взрослый заметил, что игра двух маленьких детей стала беспричинно злой и жестокой. А затем развел их по разным углам, чтобы они не смогли, заигравшись, еще сильнее навредить друг другу.

По навесу княжеского шатра часто барабанил проливной дождь. Его капли гулко ударялись о туго натянутые шкуры, и эти удары сливались в монотонный единый гул, временами тонувший в грохоте громовых раскатов.

Князь Владимир при свете двух церковных свечей читал греческое Евангелие, единственную из книг, которую он возил с собой во всех походах и доставшуюся ему от родной бабушки, великой княгини Ольги.

Читая Евангелие, князь пытался найти объяснение тем событиям, которые произошли в этот день. Эта мудрая книга, как он считал, каждый раз открывала для него что-то новое, поражая своей необъятной глубиной. Читать князю было тяжело. Правая сторона лица так и не оправилась от полученного сильного удара, глаз с каждым днем все больше затягивался кровавой пеленой, как бельмом. Зрение ухудшалось, и потому читать, да еще и при скудном освещении, становилось все труднее. Князь отложил книгу и, раскинувшись на шкурах своего ложа, закрыл глаза и замер, обдумывая прочитанное.

Обладая острым слухом, Владимир сквозь грохот громовых раскатов и шум дождя уловил тихое потрескивание со стороны противоположной от его кровати стенки шатра. Как будто кто-то неведомый аккуратно прогрызал ее. Князь поднялся, выхватил из ножен меч и, взяв свечу в левую руку, прижался к стенке из шкур, неподалеку от того места, откуда все явственнее слышался непонятный звук. В свете свечи он заметил тонкое кривое лезвие ножа, аккуратно вспарывающее стенку его прибежища. Князь поднял меч и приготовился уже нанести смертельный удар непрошеному гостю, когда вдруг в образовавшуюся брешь просунулась голова в остроконечном шлеме, с кончика которого свисал длинный и изрядно вымокший волчий хвост.

Занесенный меч остановился на полдороге и чуть не выпал из руки князя: из-за свисающего волчьего хвоста на него приветливо и озорно смотрел старый, потерянный так надолго, его друг Жробейн.

— Ох, княже, не зашиби невзначай, а то враги не смогли прикончить, так ты им тут как раз с тяжелой твоей рукой подмогой окажешься, — пыхтя, ворчал весь мокрый от дождя Волк, вползая в княжеский шатер через проделанную дыру.

И уже скоро оба сидели за походным столом и, попивая вино, вели неспешную беседу под монотонный шум дождя.

Глава 12. Предательство

Августовским теплым солнечным утром князь Владимир вышел из своего шатра мрачнее тучи, потянулся, разминая затекшее ото сна тело, и отдал короткий приказ дружиннику, охранявшему вход в его шатер :

– Воевод всех ко мне, и быстро.

Охранник кинулся выполнять указание князя, хлюпая сапогами по лужам, еще не просохшим после обильного ночного ливня. Не прошло и часа, как в указанном месте стали собираться воеводы. Первым прибыл дядя князя, Вышата, так как находился непосредственно в самом лагере. За ним стали съезжаться тысяцкие воеводы, с разных концов крепости. Когда все приглашенные были в сборе, князь молвил:

– Ну что, други, пройдем ко мне, а то что-то сыро на улице, да и обсудить нужно многое.

Распахнув полог шатра, князь пропустил воевод впереди себя, и лишь когда все вошли, проследовал за ними. Взорам вошедших предстал сидевший по на пне воин, в высоком шлеме с волчьим хвостом. Князь, остановившись за спиной воевод, произнес:

– Ну, воеводы мои, кто не знаком, познакомьтесь с Жробейном, или, по- нашему, Волком, воином моей дружины, а с сегодняшнего дня моей правой рукой здесь, под Корсунью.

Воеводы все как один поклонились Волку, тем самым признавая его право первенства над ними в этом походе. И только единственный, дядя князя и воевода его охраны, не склонил голову, а с изумлением и ненавистью смотрел на новоиспеченного княжеского военачальника. Владимир все это время пристально наблюдал за ним.

– Что, Вышата, ты как будто и не рад? Не хочешь обняться со старым знакомым? – произнес Владимир, продолжая все так же пристально смотреть на своего дядю.

Вышата стоял молча, опустив глаза в землю, руки его суетливо теребили край пояса.

– Так что скажешь нам всем, дядя? – повторно задал вопрос князь.

Вышата продолжал отмалчиваться. Ноздри князя начали раздуваться, желваки загуляли по скулам, явно причиняя боль раненому лицу. Все, кто давно знал Владимира, могли понять, до беды остается совсем немного. Безудержен князь в своем гневе. Разойдется – не остановить.

Видя это, Волк встал со своего места, вплотную подошел к Вышате, и глядя ему в глаза, произнес:

– Не марайся князь, негоже тебе руки пачкать об эту мразь. – И с этими словами резким движением обезоружил Вышату, выдернув у него меч из-за пояса. Безоружный воевода рванулся к Жробейну, но дюжие воины не дали ему прохода к варягу, тут же повалили наземь, скрутили руки и оставили так лежать посреди шатра.

– А ну-ка, Данила, принеси нам сюда седельные сумки моего дяди.

И через минуту перед всеми были открыты забитые до половины греческим золотом седельные мешки.

Князь вышел на центр шатра, и подойдя к распростертому на полу, воеводе произнес:

– Поперек горла встанет тебе это золото, Вышата. Что ждет тебя, знаешь? Предателям у нас одна смерть уготована. -И, переведя взгляд, на присутствующих, продолжил, – изменником дядя мой оказался, давно, видно, с корсуньскими греками связь имел и о нашем походе загодя им сообщил. Скольких людей положили из-за него! Разведчика, мною посланного до похода в Корсунь, Жробейна – его люди перехватили по дороге, убить пытались. Да и здесь в лагере, связь с греками у него видно была, иначе золото откуда? Не из Киева же самого он его с собой тащил? А, дядя? – спросил князь у связанного воеводы, пнув его острым концом сафьянового сапога.

Вышата продолжал молчать, ненавидяще снизу вверх глядя на Владимира.

– Воеводы, привязать его к лошадям, пусть другим не повадно будет. Да на глазах у стен ромейских. Пускай видят, как русичи предателей своих на части рвут.

Воеводы подхватили Вышату под связанные руки и волоком потащили из княжеского шатра.

– Даниил и Волк, останьтесь со мной, дело к вам есть, – бросил князь в спину покидающим шатер воеводам. Званные князем, остались стоять на своих местах.

– Значит так, воины. Ты, Жробейн, вместе с Даниилом – в ответе за крепость. Костями лягте, но последний срок – через три дня – город должен быть нашим. Времени под стенами сидеть больше нет. А теперь идите, обо всем важном сообщайте мне не мешкая. К вечеру жду от вас хороших известий. – И Владимир сделал жест рукой, давая понять, что разговор закончен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.